№ 49 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

АВГУСТ-ДЕКАБРЬ 1955 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

31-й год издания

СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

Сосуществование большевиков с буржуазией продолжается чуть ли не 40 лет, но об этом громко заговорили лишь в последнее время. Если бы не опрометчивая политика Сталина, то об этом, пожалуй, никто и не говорил бы, ибо сосуществование само собой подразумевалось. У большевиков был весьма удобный случай не только для мирного, но и для дружественного сосуществования. Как главный союзник в победе над Гитлером, СССР мог быть на таком же счету у США, как и Англия. Все проблемы обсуждались бы сообща, все вопросы решались бы вместе... Но Сталин, в силу лишь ему одному известных причин, этой возможностью не только не воспользовался, но грубо ее отбросил и взял курс в сторону вражды к США. Вражда, как известно, вызывает ответную вражду. Вместо того, чтобы приглашать лидеров американской компартии в Белый Дом, как это делалось во время войны, против коммунистов начали издавать особые законы — один другого суровее.

Требование закрыть американские консульства в СССР ознаменовались такими же требованиями США закрыть советские консульства в Америке. Изоляция красной сатрапии от остального мира послужила предлогом для его изоляции от большевиков: въезд в США или выезд лицам, с заведомой большевистской идеологией, становился все более затруднительным. Но самый главный удар рикошетом большевики получили в области военных вооружений. США, как известно, начали после войны разоружаться, но потом, воочию убедившись, в особенности на примере корейской войны, что Сталин и не помышляет о разоружении, быстро переключились от разоружения к вооружению.

Гонка вооружений била большевиков с двух сторон: во-первых, остановилась начавшаяся было безработица в США, на которую большевики возлагали столько надежд, во-вторых, выяснилась полная невозможность не только перегнать, но даже догнать Америку в военно-техническом смысле. Некоторые полагают, что большевикам удалось "догнать и перегнать" Америку в области воздухоплавания, но это не имеет решающего значения. У большевиков, например, гораздо большая и, может быть, лучшая, чем у США, сухопутная армия, но это не значит, что только одна армия может обеспечить победу. В силу географического положения война между США и СССР должна быть затяжной. А затяжная война требует массового производства и огромных запасов сырья. В этом смысле большевики на сотню лет позади Америки. Наследники Сталина учли это, переключились на новые рельсы и принялись твердить встречному и поперечному: "Я ваш старинный сват и кум."

Все страны западного блока, в том числе и США, не против сосуществования. (Про-

тив может быть лишь та часть эмиграции, которая не потеряла еще надежды на возврат своих былых привилегий при помощи иностранных штыков.) Слабым странам холодная война, кроме страха, ничего не дает. США чуждо, конечно, то чувство, которое господствует, например, во Франции или в Италии, но тем не менее холодная война, несмотря на ее стимулирующую роль в индустрии, не пользуется популярностью даже в правящих кругах Америки. Дело в том, что вооружения, требующие огромных средств, связаны с высокими налогами, а высокие налоги — камень на шее той партии, которая стоит у власти. Президентские выборы не за горами, и если администрацией Айзенхауэра ничего не будет предпринято в смысле понижения налогов, победа республиканцев будет сомнительной. Отсюда вполне понятно, почему некоторые главари республиканской партии, несмотря на свое отрицательное отношение к большевикам, приветствуют идею сосуществования. В общем сосуществование с буржуазией всецело зависит от большевиков. Если они не проявят коварства и будут делать то, что говорят, ближайший период истории пройдет без грохота пушек. Буржуазия на большевиков не станет нападать. Требования об освобождении сателлитов, — а почему не всего населения России? — будут, конечно, предъявляться большевикам, но эти требования дальше слов не пойдут. Это одна сторона вопроса — практическая, но есть и другая, которую с натяжкой можно назвать идеологической.

Принято считать, что большевики и буржуазия — огонь и вода; это результат поверхностного подхода к вопросу, но при более тщательном его изучении не трудно убедиться, что большевики не прототипы, а братья буржуазии. Быть может братья типа Каина, но все же — братья. Уже один тот факт, что большевики в основу своего мировоззрения кладут производственные отношения, достаточно свидетельствует, что они пришли в сей мир не для того, чтобы нарушить, говоря словами Христа, а чтобы исполнить законы капитализма. Из всех элементов, из которых складывается капитализм, большевики ничего не устраняют: заработная плата, наемный труд, прибавочная стоимость, потогонная система, денежные знаки, купля-продажа, рента, деление общества на категории или слои — все это большевики практикуют в такой же степени, как и буржуазия. Даже собственность не отменена, а лишь видоизменена из частной в государственную. Производители при большевизме такие же пролетарии, как и при капитализме. В общем, большевизм не что иное, как фаза капитализма — государственного. Быть может это самая мрачная, самая беспросветная фаза, но все же это чисто капиталистическая фаза. На большевизм можно было бы смотреть, как на отрицание капитализма, лишь в том случае, если-бы производители в России получали *полный* продукт труда и если бы там не было *отчужденности* средств производства от производителей. Но пока этого там нет и пока рабочие работают на *чужих* станках и машинах, а крестьяне возделывают *чужую* землю, пока рабочие и крестьяне получают лишь *часть* стоимости того, что они производят,— уклад жизни в России остается капиталистическим.

Посмотрим теперь, куда идет капитализм в буржуазных странах. Классического капитализма, основанного на безответственном индивидуализме, почти нигде не осталось. Государство все больше и больше начинает вмешиваться в частные области жизни. У предпринимателей уже появляются кое-какие обязанности, а не только права, как это было раньше. Правда, обязанности эти по сравнению с правами — слишком незначительны. Но ведь это только начало: вмешательство государства в частные дела пойдет, несомненно, дальше. (Сейчас мы не станем выяснять, кто извлекает пользу от вмешательства государства в частные дела.) Никто, конечно, не станет утверждать, что государство в буржуазных странах будет доведено до такой степени, как в России, т. е. до полного абсолютизма. Впрочем, знак полного равенства в данном случае и не требуется. Разные виды капитализма преспокойно могут уживаться, как в свое время уживались разные виды монархизма. Если буржуазия будет уверена, что большевики окончательно отказались от экспансии и всецело занялись своими внутренними делами, то нет сомнения, что она, следуя известному принципу — торговать можно и с каннибалами — подаст большевикам руку и вступит с ними в полное сотрудничество. То же самое можно сказать и о большевиках: если они будут уверены, что буржуазное окружение не грозит им опасностью, они снова и снова повторят свою песню: "Нас не трогай — мы не тронем..."

В подтверждение вышесказанного можно найти немало примеров в истории. Когда на общественную сцену выходило так называемое третье сословие, т. е. буржуазия, то представители знати считали ниже своего достоинства иметь какое-либо общение с неотесанными выскочками. Какой-нибудь дворянин, уже совсем разорившийся, ставил себя выше того купца, на капиталы которого можно было купить несколько имений. Когда по тем или иным причинам начали возникать республиканские правительства, то представителям этих правительств долгое время был закрыт доступ ко двору того или иного монарха. На американское правительство, в первый период его существования, смотрели, как на бунтовщиков, нарушивших присягу и поднявших руку на помазанника божьего. Общаться с такими людьми — означало идти против самого Бога. А что мы видим сейчас? Где разница между "голубой" кровью и дельцом-капиталистом? Чем можно отличить, например, Идена от Доллеса? Почему же нельзя допустить, что такая же участь постигнет и нынешние расхождения большевиков с буржуазией? Антагонизмы не вечны. Они подвержены таким же изменениям, как и все остальное. Личная жизнь главарей большевистской партии — чисто буржуазная. Вполне естественно поэтому, что они могут придти к заключению, что выступать против тех, кому хорошо живется, равносильно выступлению против самих себя. А что касается буржуазии, то она принимает всякого, кто готов с нею кооперировать.

Нас, разумеется, не восхищает никакое сосуществование. Мы были бы очень благодарны судьбе, если бы она устроила так, чтобы большевикам был закрыт доступ не только к сосуществованию, но вообще к существованию. Но пока в руках большевиков миллионы людей и они являются реальной силой, мы полагаем, что всякий здравомыслящий человек предпочтет сосуществование тому положению, которое открыто ведет к новой ядерной войне. Если бы война ударила только по большевикам, а остальное население обходила сторонкою, мы всецело были бы за войну. Но так как война всей своей тяжестью прежде всего падает на плечи широких слоев населения, — мы против нее. Лучше сосуществование, чем война.

Следует также обратить внимание на то, что лица, ожидающие свержения большевиков при помощи иностранных штыков, допускают двойную ошибку: 1) они забывают, что иностранные штыки не принесут освобождения тому, кому оно больше всего нужно — широким массам населения; 2) они полагают, что большевизм нечто такое, что без удара извне не может исчезнуть. Уже тот факт, что большевики цепко ухватились за идею сосуществования, свидетельствует, что их положение не без трещин. Добровольно, без принудительных причин они не стали бы улыбаться тем, кого еще вчера обливали грязью. Это подтверждает лишь непрочность их положения. Они надеятся улучшить свои дела при помощи сотрудничества с буржуазией, но их надежды не оправдаются, ибо и буржуазия зашла в тупик.

Обе системы — буржуазная и большевистская — не отвечают требованиям жизни ни с правовой, ни экономической, ни этической точки зрения. Население нуждается в таком социальном строе, при котором возможна свободная, разумная, здоровая и осмысленная жизнь. Ни буржуазия, ни большевики такой жизни не могут дать, так как у большевиков вместо жизни — одно лишь прозябание, а буржуазная жизнь в значительной степени отравлена заразными социальными микробами. Поэтому оздоровление социального организма неизбежно. *А.*

ТРИДЦАТИЛЕТИЕ

В июне с. г. исполнилось ровно 30 лет со дня выхода в свет журнала "Дело Труда" и 15 лет издания журнала "Дело Труда-Пробуждение." Какая это радость! Для революционно-рабочего, идейно выдержанного, анархического органа печати 30 лет—срок не маленький.

Невольно напрашивается мысль оглянуться на пройденный путь журнала, проверить положительные и отрицательные стороны, учесть плюсы и минусы — ошибки, без которых не обходится ни одно серьезное дело или идейное движение. На ошибках мы учимся, проверяем себя, свои идеи, тактику, методы борьбы и программные этапы, сравнивая достижения с действительностью. И если мы спотыкаемся, то это не так важно, лишь бы цель нашей идеи всегда служила нам маяком в делах и поступках наших к заветам наших великих основоположников и учителей — М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина и других.

Проверив пройденный путь журнала "Дело Труда" и "Дело Труда-Пробуждение,"

можно быть вполне уверенным в грядущем торжестве анархического коммунизма. Будущее за нами и для нас, будущее принадлежит анархизму, ибо у человечества нет иного выхода из тупика. От всего сердца поздравляю Федерацию Русских Рабочих Организаций США и Канады с 30-летием издания журнала "Дело Труда-Пробуждение" — единственного на русском языке органа свободной мысли.

Наша больная эпоха ставит перед нами большие задачи и цели. Все мы и наше дело стоим накануне великих событий: идет переоценка всех ценностей. Капиталистическая система (частно-государственного капитализма) изжила себя. На грани провала стоит парламентская демократия. Все социалистические партии идейно (теоретически и практически) обанкротились. Теперь остается в чистоте единственно-правильное социально-экономическое, политическое и этическое учение анархизма, который придет через Социальную Революцию. Теперь дело за массами воспринять идеи свободы, равенства и всемирного братства. Вот почему нам нужен сейчас, больше чем когда-либо, наш дорогой, единственный на русском языке, руководящий печатный орган "Дело Труда-Пробуждение."

Александр Черняков

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

В истории анархического движения разных стран пропагандистская литература занимает видное место. Журналы, газеты, брошюры, книги и другие издания являются тем важным и необходимым орудием, благодаря которому движение формируется и направляется с целью достижения тех или иных определенных идеалов. Во многих странах нелегальная анархическая литература существует очень давно. В России, например, издание анархических журналов началось еще в 70-х годах прошлого столетия и особенно усилилось вскоре после революции 1905 года. Такие журналы, как "Анархист," "Бунтарь," "Буревестник," "Хлеб и Воля" и некоторые другие, имели короткое существование, т. к. издавались в тяжелых нелегальных условиях и не могли расчитывать на долголетие. Но в более или менее свободных странах анархическое слово может до известных пределов распространяться сравнительно долго. И к числу анархических журналов, могущих отпраздновать свои долголетние юбилеи, несомненно, принадлежат "Дело Труда" и "Дело Труда-Пробуждение."

Первый номер "ДТ" вышел в июне 1925 г., т. е. 30 лет тому назад, а первый номер "ДТП" — в январе 1940 г., т. е. 15 лет тому назад. Время, отделяющее нас от указанных периодов, настолько важно для русского анархического движения, что необходимо остановиться на нем по возможности подробно с целью ясного понимания пройденного пути и перспектив его дальнейшего развития.

Вскоре после прихода большевиков к власти и разгрома анархического движения в России весной 1918 г., небольшая группа высланных из страны анархистов приступила в середине 1925 г. в Париже к изданию ежемесячного анархического органа "Дело Труда." Эта группа принимала активное участие в революции и в анархическом движении. Она имела большой революционный опыт и ясно сознавала необходимость глубокой проработки анархической программы и перестройки организационных рядов на почве однородной идеологии и тактики. Эта двоякого рода задача — освещение анархического опыта в русской революции и сплачивание анархических сил на почве этого опыта — и стояла в центре внимания инициативной группы "ДТ." В начале своей деятельности группа представляла собой тип смешанной анархической организации. Но, постепенно выкристаллизовавшись, она объединила вокруг себя анархистов однородного идеологического и тактического направления. Группа глубоко верила, что великий социальный вопрос — историческая борьба трудящихся за полное освобождение от капитала и власти — может быть разрешен только прямым революционным путем рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции и что в этой борьбе анархисты, объединенные однородной идеологией и тактикой, должны сыграть активную и решающую роль.

Помимо выпуска журнала, группа "ДТ" издала несколько важных работ, вызвавших в свое время много споров и дискуссий в русской и интернациональной анархической печати и достойных, хотя бы вкратце, быть отмеченными. Одна из них — "Организационная Платформа" — представляет небольшую брошюру, разделенную на три части:

общую, конструктивную и организационную и разбирающую вопросы теории, тактики и программы анархизма. Другая — "Анкета," состоящая из 28-ми вопросов принципиального и тактического характера и являющаяся попыткой выработать определенную анархическую программу и систематизированное анархическое учение. Третьей, едва ли не самой важной, работой является книга "Большевистская диктатура в свете анархизма." Это — коллективный труд, в котором несколько анонимных авторов использовали богатый фактический материал и в своей критике задач и целей большевистского строительства правильно указали, что советское хозяйство есть новая рабская система государственного капитализма, построенная на насилии и терроре.

В таком направлении деятельность группы "ДТ" продолжалась около пяти лет. В конце 1929 г. издание "Дела Труда" было перенесено в США.

На американской почве "ДТ" из определенного анархо-коммунистического органа превратилось в журнал с синдикалистской окраской, в котором помещались статьи разнообразного характера. Журнал издавался в течение 10 лет — 1930-1939 — и проделал большую организационную и культурно-просветительную работу. Некоторые его номера содержали важный, ценный материал об интернациональном рабочем движении, испанской революции, о борьбе и роли анархистов, политике советского правительства и т. п. Особенно важным был юбилейный, 100-ый номер "ДТ," посвященный 25-летию русского анархического движения в Америке и содержащий интересные воспоминания, очерки и рассказы некоторых участников этого движения, мимо которых не сможет пройти исследователь-историк.

За три года до американского издания "ДТ" небольшая группа русских анархистов, несогласная с направлением журнала, приступила к изданию журнала "Пробуждение," первый номер которого вышел в апреле 1927 года. Этот журнал не был фракционным. Он признавал право на существование за каждым анархическим течением и предоставлял возможность всем анархистам, независимо от их теоретических и организационных взглядов, свободно высказываться на своих страницах. Обыкновенно журнал выпускался в 48 страниц, но некоторые номера содержали 76 и 112 страниц, а № 15 "Пробуждения" (февраль 1931 г.), посвященный 10-ой годовщине смерти П. А. Кропоткина, имел 176 страниц важного материала. Юбилейный номер (март-апрель 1937 г.), посвященный 10-летней деятельности журнала, содержал 128 страниц. Работа журнала "П" все время шла в направлении анархической пропаганды, объединения анархистов и укрепления анархического движения. В этом отношении, однако, не было достигнуто больших успехов. Но его деятельность неуклонно продолжалась в указанном направлении в течение 12 лет (1927-1939) и за это время было издано 96 номеров.

После долгих переговоров по вопросу об объединении русских анархических групп на общем съезде, состоявшемся в Нью Иорке в начале июля 1939 г., было достигнуто соглашение, положившее основание Объединенной Федерации, начавшей издавать общий журнал "Дело Труда-Пробуждение," первый номер которого вышел в январе 1940 г.

Июнь 1925 г. и январь 1940 г. — важные юбилейные даты в истории русского анархического движения. Они указывают на этапы, пройденные движением в течение двух периодов, среди которых наиболее важным поворотным моментом было создание Объединенной Федерации. Наметившийся до этого кризис анархического движения, расколовший и распыливший его ряды, вследствие организационных разногласий, стал постепенно изживаться и многие группы и организации усилили свою деятельность в направлении объединения разрозненных сил, памятуя, что прежние организации, как Союзы Русских Рабочих и Анархические Группы, всегда преследовали задачи и цели объединенного движения. А теперешняя Объединенная Федерация — лучшее подтверждение правильности этой мысли. Можно, поэтому, без преувеличения сказать, что через всю историю русского анархического движения в Америке длинной нитью проходит стремление к объединению.

Журнал "ДТП," издающийся в течение 15 лет и являющийся в настоящее время единственным анархическим органом на русском языке, нуждается в нашей общей поддержке, которая должна быть тем больше, чем меньше становится для этого сил. Журнал теперь более необходим, чем когда-либо, и его издание должно продолжаться под знаменем анархизма до последней возможности.

Л. Липоткин

РУССКОЕ СВОБОДНИЧЕСТВО

(Краткий очерк из истории Русской Колонии в Америке за 1914-1954 гг.)

Старая русская колония

Накануне первой мировой войны, в первую половину 1914 года, американская Русь представляла собою последнюю волну широкой русской эмиграции, хлынувшей в Америку после революции 1905 года, и состояла преимущественно из юнцов, прибывших сюда главным образом из западных губерний России. В своей массе это были дети безземельных или малоземельных крестьян, посылавших своих сыновей (и очень редко дочерей) за океан, в далекую Америку, на заработки. Из этого не следует, конечно, что в массе русской эмиграции не было представителей интеллигенции или рабочих, а также выходцев из других губерний России: они были, но составляли незначительный процент.

Как жили русские эмигранты 40 лет назад? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно мысленно перенестись в "эпоху" 1914 года. В то время Америка переживала очередной экономический кризис и ее промышленность была в застое. Вследствие этого и "джабов" было мало, но русские работали в лесах, угольных шахтах, на постройке железных дорог, на фармах и т. д. Большое количество русских жило в городах; среди них много было безработных, которых так или иначе поддерживали земляки, ибо в то время никакая помощь безработным не оказывалась, за исключением самопомощи, организованной самими иммигрантскими группами.

Русские, устроившиеся на временное жительство в городах, в большинстве случаев, выполняли тяжелые работы на сахарных, кожевенных, сталелитейных и прочих заводах или работали грузчиками на пароходных пристанях и железно-дорожных станциях. Многие устраивались в портняжной индустрии, в ресторанах, на конюшнях и во многих других отраслях промышленности.

Тогдашние условия труда, при десяти, а очень часто при 12-часовом рабочем дне и больше, были суровые, тяжелые но по сравнению с русскими условиями они казались легкими, потому что, во-первых, их тяжесть считалась временной: год-два и — домой, на родину, а во-вторых, тяжелый труд оплачивался здесь гораздо выше, чем в России, что давало возможность, при отказе от удовлетворения насущных потребностей культурного человека, скопить пару сот долларов, а в исключительных случаях даже и тысячу, а затем вернуться в Россию и прикупить землицы. Это было заветной мечтой большинства русских эмигрантов.

Вытекающим отсюда следствием было то, что русская масса жила скупо, берегла копейку. Это не значит, что все были скопидомами или отшельниками. Иногда устраивались пирушки, которые часто заканчивались драками. Распространенным развлечением была картежная игра, которая тоже нередко заканчивалась драками. В общем же, русская масса жила обособленной жизнью. Она не интересовалась ни жизнью Америки, ни ее учреждениями, считая все это излишним балластом, который придется выбросить за борт по возвращению на родину. Из этого опять таки не следует делать заключения, что всякий и каждый именно так думал или мечтал: многие иммигранты включились в американскую орбиту, в особенности представители интеллигенции, которые быстрее приспосабливались к американской жизни и новым условиям труда и быстрее ассимилировались.

Здесь следует отметить, что в 1914 году в крупных центрах существовали небольшие русские кружки и клубы Союза Русских Рабочих, отделы социалистической партии и церковные братства; выходили также следующие органы русской печати в порядке их старшинства: газета *"Русское Слово,"* основанное И. К. Окунцовым в 1910 г.; анархо-синдикалистский *"Голос Труда,"* основанный в марте 1911 г., и орган социалистов *"Новый Мир,"* основанный тоже в 1911 г.; эти газеты выходили в Нью Иорке; на тихо-океанском побережье (Лос-Анжелес и Сан-Франциско) издавалась газета *"Великий Океан,"* основанная в 1912 году; орган церковников *"Русский Эмигрант,"* основанный в Нью Иорке в 1913 г., и еженедельная газета *"Луч"* в Детройте. Все эти органы печати влачили жалкое существование, так как не имели достаточного количества читателей. В своей массе русская колония в Америке очень мало читала русскую прессу, стояла в стороне от всяких организаций и представляла собою ничем не связанную людскую пыль.

Европейская война и русская революция

Когда в августе 1914 года разразилась Европейская война, огромная масса русской эмиграции находилась в Америке. В силу создавшегося положения она оказалась оторванной от родины, изолированной, и у нее естественно возник интерес к происходящим событиям. Поэтому многие даже полуграмотные крестьяне, стали выписывать и читать русские газеты, циркуляция которых начала постепенно возрастать. Так незаметно печатное слово стало влиять на умы и сердца русских эмигрантов. Однако масса попрежнему оставалась неподвижной и стояла в стороне от организаций.

Правда, находясь под живым впечатлением происходивших событий, о которых она читала в газетах, русская масса становилась немножко смелее, но все же сторонилась организаций, хотя очень многие посещали рабочие клубы, а большинство — православные церкви. Посещение клубов и церкви еще не значило, что посетители становились последователями какого-либо социального учения или были истинно верующими людьми, поддерживающими церковь, совсем нет: они ходили в церковь, вернее, "под церковь" по старой деревенской привычке, чтобы людей повидать (встретиться с земляками или знакомыми) и себя показать. Для большинства церковь, как и клубы, была местом свиданий и встреч.

Человеческая бойня в Европе вызвала оживление в американской промышленности, получившей большие военные заказы, для выполнения которых потребовалась масса рабочих рук. Все безработные получили занятия, в том числе и русские, ставши вольными или невольными жителями Америки, хотя и ведущими свой обособленный образ жизни. Во многих городах возникли беспартийные кружки и клубы русской молодежи, ставившие своей целью самообразование и помощь пострадавшим от войны людям в России, т. е. беженцам.

Эти новые организации не преследовали никаких политических целей и поэтому обособились, как от церковных братств, так и от отделов социалистической партии и Союза Русских Рабочих. Они избегали политики — принять программу какой-либо политической партии, а затем неуклонно следовать ей — и всячески сторонились от политической игры, но условия жизни вынуждали их принять то или иное участие по защите своих интересов. Так, например, с проведением законов о мобилизации многие русские были записаны в американскую армию не по своему доброму желанию, а лишь потому, что так записали хотевшие этого лица, выполнявшие для них бланки воинских присутствий. По закону же они, как иностранцы, не обязаны были служить в американской армии, если они не изъявили добровольного желания. Организации должны были взять на себя их защиту и после расследования их дел многие русские были освобождены из американской армии.

Главной причиной, вследствие которой русские эмигранты в своей массе не желали примкнуть ни к какой организации, была та, что все они мечтали сейчас же по окончании войны вернуться на родину, а поэтому опасались "быть замешанными в политику" и попасть под подозрение начальства, навлечь на себя его немилость и по приезде на родину быть привлеченным к ответу за принадлежность к революционным ниспровергателям существующего строя. Эти опасения сдерживали русскую массу от участия в какой-либо радикальной или прогрессивной организации, пока в марте (в феврале по старому стилю) 1917 года не грянула в России революция, низвергнувшая самодержавие.

Русская Революция окрылила в Америке русскую крестьянскую массу, превратившуюся здесь в рабочих, новыми надеждами и наполнила их сердца радостью. С падением царского режима отпадала и опасность подвергнуться преследованию и мести по возвращению на родину. Теперь можно было примкнуть к той организации, идеи которой наиболее близки чаяниям и совести простодушного человека, неискушенного в политике и далекого от всяких подходов и криводушия.

Сознание вольности подняло повсюду дух в русской колонии. Во многих городах, где не было никаких союзов или объединений русских, возникли новые организации, как, например, Союзы Русских Граждан, которые по своей идеологии и по духу ничем не отличались от Союзов Русских Рабочих, как и некоторые отделы социалистической партии, над которыми партийная верхушка не смогла удержать свой контроль. В результате прогрессивные и радикальные русские организации начали быстро расти, а церкви, как оплот самодержавия, стали пустеть и даже закрываться.

Общественная жизнь и деятельность

Принимая во внимание огромный сдвиг, который породила в массах Русская Революция, надо признать, что 1917 год был началом живой и массовой организации русской колонии в Америке, началом сознательной жизни: распыленная человеческая масса, не имевшая собственного лица и не представлявшая никакого значения в обществе, хлынула либо в существовавшие уже радикальные организации, либо по собственной инициативе организовывала новые союзы, кружки, клубы или общества. Во многих городах Союзы Русских Граждан насчитывали сотни членов. Все стремились к осуществлению свободы, равенства и братства. Они никого не желали обижать или насиловать, но в то же время готовы были защищать свои идеалы с упрямством фанатика и даже ценою собственной крови и жизни.

По своей натуре это были простодушные русские люди, откликавшиеся на всякое доброе дело и охотно дававшие средства на поддержку русской печати и на устройство помещений для своих клубов, союзов, школ и музыкально-драматических кружков. Они не предъявляли к Америке никаких требований, но желали лишь одного — поскорее вернуться на родину в Россию и там принять живое активное участие в строительстве новой, свободной жизни.

Но чтобы быть полезным гражданином в собственной стране, откуда они временно отлучились на заработки, многие русские эмигранты стали быстро пополнять свои скудные знания. Почти каждая русская организация того времени имела школу при своем клубе, где по субботним вечерам устраивались в большинстве случаев любительские концерты или разыгрывались пьесы ревнителями драматического искусства, а по воскресеньям — доклады и лекции на самые разнообразные темы.

Для русской массы того времени просвещение было главной целью, поэтому прежде всего были устроены русские школы грамоты для тех эмигрантов-крестьян, которые желали постигнуть небольшую премудрость чтения и письма, а для овладевших уже этим искусством давались сведения по истории и географии России и начальные сведения по математике. Школьные познания и общие сведения пополнялись общеобразовательными или специальными лекциями, которые устраивались почти еженедельно и читались компетентными в своей области лицами.

Однако для строительства новой лучшей жизни общих сведений по социологии, экономике, истории, географии и т. д. было недостаточно: одновременно нужно было приобрести в Америке еще и технические или профессиональные знания, как необходимое пособие для более умелого устройства свободной жизни. Эта необходимость побудила многие русские организации открыть у себя автомобильные или технические школы, в которых изучались главным образом моторы внутреннего сгорания, электрическое зажигание, а также починка и ремонт автомобилей и тракторов, что давало учащимся этих школ возможность сделаться квалифицированными автомобильными механиками или монтерами.

В общем, частые злободневные доклады, лекции, школы и литературно-художественные вечера (спектакли, концерты, дискуссии и пр.) стимулировали жизнь русской колонии, пробуждали интерес к знаниям, расширяли кругозор русского эмигранта и способствовали самосовершенствованию человека. Люди жили высоконапряженной, радостной жизнью. Они стремились постигнуть непонятное, приобрести как можно больше знаний и духовно облагородить себя. Друг к другу относились тепло и внимательно, стараясь показать себя с лучшей стороны.

Рядовые русские труженики, одухотворенные великой идеей Добра и Правды, Свободы и Равенства, Справедливости и Братства, высоко поднялись культурно, возвысились нравственно. Люди словно переродились духовно: стали отзывчивее, мягче и добрее. Исчезла картежная игра, прекратились драки и очень редко вы могли встретить в кабаке русского человека. Все это считалось недостойным сознательного или порядочного человека. Так за короткий промежуток времени произошел огромный сдвиг в русской массе, благодаря активности и неустанным трудам ее передовых работников, общественных деятелей: русская колония в Америке не только значительно выросла духовно и поднялась культурно, но и приобрела значение в обществе по удельному весу своей организованности.

Идеологические течения

Как в огромной революционной России, так и в небольшой русской колонии в Америке были люди разных политических взглядов, направлений и убеждений: явные

монархисты, кадеты, правые и левые социал-революционеры, максималисты, социал-демократы (большевики и меньшевики), анархисты-синдикалисты, анархисты-коммунисты, индивидуалисты и всякие фракции политических партий. Но все это разнообразие оттенков политической мысли сводилось к двум основным течениям: *авторитарному,* к которому примыкают люди разных политических партий, стремящиеся к власти или борющиеся за власть и властвование над другими людьми, и *свободническому,* группирующему вокруг себя людей, отрицающих власть человека над человеком.

Важную роль в жизни и деятельности русской колонии, в ее общем подъёме и сдвиге влево играли радикальные идеологические течения, из которых господствующим было *социалистическое* в широком смысле этого слова, потому что *социализм* в основном понимании несет измученному человечеству *свободу* и *равенство* социальное, экономическое и политическое, которые в свою очередь ведут к подлинному *братству* народов, и в то же время избавляют людей от *угнетения и эксплоатации* человека человеком. *Социализм* — это высшая ступень в развитии человеческого общества на путях к вселенской Правде и Справедливости. Этот лейтмотив был доминирующим и объединял в 1917 году оба социалистические течения: *авторитарное,* вокруг которого группировались последователи учения Карла Маркса, и *свободническое,* сгруппировавшее последователей учения М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина.

Между последователями обеих ветвей социализма враждебности не наблюдалось, ибо вопросы: "как жить и *как осуществить новую организацию общественной жизни без бога, без царя и без хозяина?*" трактовались лишь теоретически и резких споров не вызывали. Все сходились на том, что капиталистическая система несправедлива и негодна и что в России, где идет коренная ломка этой системы эксплоатации человека человеком, она должна быть заменена социалистической: *от каждого по способности и каждому по потребности; земля — крестьянам, а заводы и фабрики — рабочим;* советы рабочих, крестьян и солдат вместе с представителями интеллигентных профессий и науки налаживают производство и распределение, устанавливают связи города с деревней и организуют защиту революции и страны от иностранного вторжения. Это были главные положения и цели. *Свобода* же слова, печати, собраний, союзов и т. д. сама собою разумелась.

Следует еще добавить, что между социалистами и анархистами нередко устраивались *идейные состязания* или весьма поучительные диспуты на такие темы, как "Социализм и Анархизм," "Как осуществить социализм," "В чем различие между марксизмом и анархизмом?" Во всех этих диспутах последователи Карла Маркса защищали государство и диктатуру пролетариата, а последователи Бакунина и Кропоткина защищали не абстракцию и миф, а общество живых людей, которых государство угнетает и эксплоатирует.

Чаще других в диспутах выступали представители левого крыла социал-демократов, лидеры большевиков, которые говорили длинно, нудно и туманно. Их доводы в защиту диктатуры были неубедительны. Простая масса, не искушенная ни марксистской диалектикой, ни хитроумной политикой, внутренним чутьем угадывала правду и всегда была на стороне анархистов.

Устраивавшиеся диспуты выясняли, что государство — это бюрократия, а общество — это народ и что власть — это те же чиновники, возомнившие себя мудрецами и требующие от народа слепого подчинения. А ежели кто усомнится в расхваленой "мудрости" власти и окажет неповиновение, к тому власть применяет грубое физическое насилие через своих вольных или наемных агентов, которых она содержит на средства, выколачиваемые из народа, главным образом, из беднейших слоев населения — рабочих и крестьян. Чтобы держать народ страны в полном подчинении государству и власти, — нужные огромные кадры тайной и явной полиции, кадры платных насильников-паразитов, слепо подчиняющихся распоряжениям и воле властвующих чиновников. Общество не нуждается в этой дорого стоющей, зловредной, паразитической иерархии, развращающей людей. Всякая власть — это господство человека над человеком, а там, где есть господа и рабы, не может быть *равенства* и, следовательно, *социализма.*

На это большевики возражали, что государство и власть — плохое дело в буржуазных странах, потому что они угнетают трудовой народ, в стране же социализма "государство будет оберегать рабочих и крестьян от эксплоатации их фабрикантами и помещиками," упуская при этом из виду, что при

социализме не может быть ни фабрикантов, ни помещиков, ни классов с их подразделениями, ибо такой строй, при наличии эксплоататоров и эксплоатируемых, не будет социалистическим. Их возражения-оправдания можно суммировать в следующем виде:

> "Это верно, — соглашались большевики, — но в переходный период от капитализма к социализму государство должно подавить буржуазию. С этой целью мы должны взять государство в свои руки, т. е. установить свою рабоче-крестьянскую власть, которая и будет пресекать всякие поползновения контр-революционной буржуазии и охранять трудящихся от эксплоатации их капиталистами. Это раз, а во-вторых, чтобы успешно завершить переходный период от капитализма к социализму и повести более эфективную борьбу с эксплоататорскими классами, нужно установить гибкий карающий аппарат — **диктатуру пролетариата,** которая и очистит общество трудящихся от эксплоататоров. Вот для чего нужны нам государство и власть — диктатура пролетариата.
>
> "Когда угроза взрыва будет изжита и установится **социализм,** тогда государство и диктатура, как институт насилия и угнетения, **отомрет,** как об этом говорит Ленин в своей книге 'Государство и Революция,' и тогда мы тоже станем анархистами-коммунистами или безвластными социалистами..."

Блажен, кто верует... Заключительные предсказания большевиков не оправдались.

Углубление революции и большевистская контр-революция

Свободолюбивые русские эмигранты искренно радовались падению самодержавия в России. Они надеялись на глубокие социально-экономические и политические преобразования и по мере своих сил и способностей защищали в Америке Русскую Революцию и ее идеалы теми средствами и проявлением активности, какие доступны мирным гражданам: устной и печатной агитацией, устройством митингов и манифестаций с вынесением резолюций протестов, одобрений, поздравлений и т. д. Здесь необходимо отметить тот факт, что внутри самой России шло углубление революции в пользу осуществления социализма: там все глубже внедрялся в сознание революционных масс народа "неожиданно" возникший лозунг: *"Земля — крестьянам, фабрики — рабочим!"* Большевистская фракция партии социал-демократов добавила к нему еще свой авторитарный лозунг: *"Вся власть — советам!"* Для трудового населения России первый лозунг социализма был вполне понятен и дорог его сердцу, но второй казался туманным, хотя и звучал гордо.

Накопление революционной энергии вылилось в Октябрьский переворот: временное правительство Керенского пало, и большевики, пользуясь поддержкой революционных масс и стихийно вызванных к жизни вольных советов, углублявших революцию, захватили власть в свои руки, с помощью которой они надеялись осуществить социализм в России, т. е. ввести новую политико-экономическую систему, которая, уничтожая *эксплоатацию* человека человеком и вытекающее из нее классовое неравенство, господство и угнетение слабого сильным, делает человека свободным. "Эта цель может быть достигнута только посредством диктатуры пролетариата," — твердили большевики и немедленно приступили к ее осуществлению.

Щеголяя революционной фразеологией и громкими лозунгами, главари большевизма создали разнообразные государственные органы, из которых самым важным по степени выполнения госфункций был и продолжает оставаться карательный аппарат — ЧК, которую заменили потом ГПУ, НКВД, а ныне — вследствие то раздробления, то укрупнения министерств — МГБ, МВД. Ленин и его соратники были убеждены — искренно или притворно, — что полицейскими мерами карательного аппарата (расстрелами, тюрьмой и ссылкой) им удастся ввести социализм в России. Но революционные страсти еще бушевали и не хватало "единства воли," что нужно было достигнуть в советах, вобравших в себя наиболее передовых и преданных народному делу представителей рабоче-крестьянской России. Постепенно, путем давления сверху, подкрепляемого нажимом карательного аппарата, вскоре превратившегося в чисто террористическую организацию, неугодные лица, противившиеся террору и представлявшие собою *совесть* общества, "изымались из обращения." Их места в советах заполнялись большевиками или послушными им попутчиками. Таким образом вольные советы, стоявшие на страже революции, как выразители народной воли, были превращены в *фракционные советы* большевиков, стали орудием ЦК компартии и выразителями его воли. Все революционные противники большевистских методов из меньшевиков, социалистов-революционеров и анархистов схватывались чекистами и ссылались в концлагери на каторгу под одним и

тем же лозунгом: *"Кто не с нами, тот против нас."*

Террор стал движущей силой большевизма, на которую он сделал свою установку и посредством которой он решил загнать народ в светлое царство социализма. Таким путем установилась "диктатура пролетариата," т. е. *диктатура ЦК компартии*. Она прибрала в свои руки "разгулявшееся" население России, ее вечных тружеников — рабочих и крестьян, установила над ними свой контроль и лишила их всех гражданских свобод, потому что свобода по Ленину — "буржуазный предрассудок." Посредством террора большевики закрепили за собой господство в России и провели "национализацию" земли и промышленности, объявив все собственностью государства-правительства, т. е. тех лиц, которые управляют страной. [Французский король Людовик XVI, будучи прямым и открытым, говорил: *"Государство — это я,"* в России же государством стали новые правители—главари ВКП(б)]. Овладев всеми достояниями Земли Русской, большевистское правительство стало полновластным и *единственным* ее хозяином-монополистом, а население, лишенное всяких средств к существованию, — за исключением собственного труда, который оно вынуждено продавать правительству по той цене, какую назначит из центра этот безликий господин, — очутилось в исключительной и полной зависимости от *государства*, его агентов или чиновников: рабочие и крестьяне превратились в подопечных бюрократии и оказались на положении поднадворных пленников или, вернее, крепостных не отдельных помещиков или фабрикантов, а одного и того же безликого господина-государства.

Оттого, что большевистское правительство называло себя "революционным," "пролетарским," "рабоче-крестьянским," "советским" или "диктатурой пролетариата" и что его агенты-чиновники вышли из народных низов, клялись пролетарским происхождением и усердно выполняли задания центра, положение трудящихся ничуть не улучшалось, так как государство-правительство овладело не только всеми средствами и орудиями производства, но и всем населением, из которого выбирало наиболее послушных и ретивых и назначало их приказчиками, управляющими, комиссарами, которые становились начальниками, распорядителями, погонщиками, а остальная масса населения — их подчиненными, обязанными выполнять то, что прикажет начальство. Непослушных и недовольных угоняли на каторгу под более строгий полицейский режим.

Чтобы скрасить безвыходное положение населения и рассеять сознание рабства, большевистская пропаганда твердила, что "государственная собственность" — это "народная собственность" и вообще старалась подменить государство "народом" и убедить народ, что он является хозяином страны, а правительство и комиссары — его охранники и слуги. Но народ чувствовал на собственной шкуре, что не он, а его "охранники и слуги" являются *подлинными господами*.

Анализ деятельности и мероприятий большевистского правительства показывает, что установленный им режим в России не имеет ничего общего с подлинным социализмом, который немыслим без свободы. *То, что большевики называют "социализмом," является* по своей сущности и природе *государственным капитализмом* нового образца, т. е. капитализм строго *централизованного тоталитарного государства*. Большевики первые осуществили этот тип государства в повоенной Европе. Вслед за ними многие другие реакционеры, перенявшие у большевиков их схему и методы управления, установили у себя аналогичные режимы, но чисто националистического характера, как итальянский фашизм и германский нацизм. Так *"благие порывы"* большевиков создали чудовищную систему, которая оказалась роковой для Европы и для всего человечества, не говоря уже о России: большевизм породил те условия, которые привели ко Второй Мировой Войне.

Отражения в Америке

Трансформация большевизма, вызванная его жизненной практикой в России, не могла не отразиться на прогрессивной части русской колонии в Америке. Она способствовала не только выявлению глубоких *принципиальных различий и теоретических расхождений* в возрениях авторитарного и либертарного движений о том, как осуществить *социализм*, но и усилению обострений между ними.

Местные большевики чувствовали себя большими "героями," потому что их партия "захватила власть в России," завладела 1/6 частью света. Они признали себя соучастниками и совладельцами и воспылали вдруг страстной любовью к выплывшим на поверх-

ность Ленину и Троцкому, а потом к Сталину. Они неукоснительно следовали за главарями Москвы, *всецело одобряли их политику диктатуры и террора, восхваляли жестокость и свирепые расправы с инакомыслящими* и постепенно превратились в послушное стадо прытких козлов, которым очень хотелось "отличиться," показать свою преданность "божкам." В большинстве случаев их "лидеры" были мелкими карьеристами, которые *"рвались в Россию захватить места."* Они были уверены, что получат эти "места," если начальство в Кремле их заметит. Ради этой "высокой" цели они готовы были "пострадать" и с особым энтузиазмом горячо славословили Ленина, Троцкого и других "вождей" большевизма, ставших гробовщиками Русской Революции и столпами тоталитарной диктатуры.

Сознание соучастничества и вера в божков и их пророков обязывали местных большевиков не только к исключительной покорности, беспрекословному послушанию и угодничеству, но и заставляли выполнять все вытекающие "обеты" — распоряжения главной канцелярии: *по команде восхвалять и защищать "мудрость" вождя-диктатора, по команде протестовать и грозить, по команде лезть в драку* и т. д.

"Не рассуждай, товарищ, о том, что начальство обдумало и решило, а только выполняй распоряжения!" — таков стал новый лозунг большевиков. И всякие *рассуждения в низовых ячейках заменились командой сверху,* потому что "пролетарское" начальство лучше знает, что нужно рабочему, что он должен делать и как действовать. В этом большевистский закон и пророки.

Оставшиеся в Америке бесцветные лидеры большевизма, следуя указаниям из центра, признали для себя наиболее выгодным в борьбе с идейными противниками отбросить в сторону все моральные основы и разумные доводы, а вместе с ними похерить с честностью и элементарной справедливостью. Выступая на русских собраниях и массовых митингах, они старались всеми силами "взять быка за рога": *затушевывая факты или совсем умалчивая о них и о кричащих противоречиях между словесной проповедью большевизма в Америке и его практикой в России, они старались исказить истину, обелить своих божков и одновременно оклеветать, опозорить, осрамить и унизить своих противников, приписывая им все смертные грехи.* С этой целью они усердно горланили, надеясь, что криком им удастся повлиять на слушателей и склонить аудиторию на свою сторону. Однако в словесном бою между защитниками авторитарного социализма с одной стороны и последователями свободного социализма — с другой эта тактика не имела большого успеха, потому что не все слушатели обращали внимание на громкие, но пустые выкрики, когда вслед за ними следовали дельные возражения по существу затронутых вопросов и по основным принципам идеи социализма.

Большевистское руководство, *не желая признать своего идейного банкротства,* покатилось дальше по наклонной плоскости и переменило свою тактику: *"обработав" в надлежащем духе простаков, оно шло с ними на митинг организованной бандой, члены которой размещались в стратегических местах зала и по сигналу или команде вожака устраивали обструкции с целью сорвать митинг.* Не всегда, конечно, эти выходки вытекавшие из новой тактики компартии, проходили для них безнаказано: их вызывающее поведение, заносчивость и наглость не только раздражали свободолюбцев, над которыми большевики издевались, придя на их собрание, но часто вызывали взрывы негодования, выводили из границ всякого терпения, и возмущенная аудитория выбрасывала их вон на улицу с помятыми боками.

Такие неожиданные обороты и встряски остепенели многих русских простаков, которыми большевистские лидеры пользовались, как темной силой, и которых становилось в русской колонии все меньше и меньше. *Тогда руководство прибегло к мобилизации всех компартийцев,* которых стало посылать на русские собрания, даже *тех, которые ни слова не понимают по-русски, но хорошо усвоили команду и по сигналу предводителя шайки одновременно срываются с мест, устраивают галдеж, зычно кричат, стучат, свистят, шумят и этим стремятся сорвать митинг. Эти командные дикие выходки, озлобленная свистопляска, грубое невежество и духовная немощь показали подлинное лицо большевизма:* рабочие не смеют обсуждать никаких вопросов и высказывать по ним свои непросвещенные мнения, раз эти вопросы решены для них большевистскими главарями. Таким образом *авторитарники-большевики, идейно обанкротившись, свели свою идеологическую борьбу к голому насилию,* чтобы закрепить свое господство.

В заключение следует отметить, что вера

большевиков и их попутчиков в свою "рабоче-крестьянскую власть" оказалась для многих из них роковым заблуждением, ибо "своя власть" в первую очередь *уничтожила подлинных строителей социализма, расправилась со всякой оппозицией, внутри-партийной тоже, отправила к праотцам несколько миллионов непокорных*. Если верить постоянным утверждениям ее пропагандных органов, "она уже построила социализм в России," но... отмирать *не* собирается, как это утверждал Ленин. Значит, в своих предсказаниях правы оказались анархисты, а не большевики первой формации, т. е. до захвата ими власти в России. *Оправдание местными большевиками диктатуры и террора в России выявляет лишь их низкий культурный уровень, их духовное убожество и ничтожество,* так как ни один человек, сознающий в себе и уважающий в других *достоинство* человека, не станет оправдывать злодеяний, от кого бы они ни исходили, а тем более истребление предполагаемых или воображаемых врагов, которых оказалось у Сталина и его клики десятки миллионов.

Как авторитарное, так и свободническое движение имеют и поныне в русской колонии своих последователей и сторонников. К авторитарному движению, располагающему огромнейшими средствами пропаганды, примыкают в первую очередь шкурники и жулики, работающие за деньги, и те лица, которые либо желают сделать себе карьеру чиновника госаппарата, либо втайне надеются получить что-то или заслужить похвалу от власти. К свободническому движению примыкают гораздо более мужественные люди, сознающие в себе достоинство человека и гражданина, и подлинные *идеалисты,* стремящиеся к переустройству общества на более справедливых и свободных началах, чем частный или государственный капитализм.

Свободнические печатные органы

В борьбе за осуществление одного или другого общественного идеала большую роль всегда играли и продолжают играть руководящие органы печати, излагающие теоретические основы учения и абстрактно намечающие пути его реализации. Такими печатными органами служат газеты и журналы, дающие верную информацию о текущих событиях национальной и международной жизни и правильное освещение злободневных вопросов.

Подобно другим течениям общественной мысли, русское свободническое движение в Америке имело свои органы печати. В начале этим руководящим органом была газета *"Голос Труда,"* основанная в марте 1911 г. Сначала газета выходила ежемесячно и заполнялась главным образом статьями А. Карелина из Парижа. С 4 сентября 1914 года "Г.Т." начал выходить еженедельно, что явилось результатом более активной деятельности отделов Союза Русских Рабочих, которых насчитывалось свыше 40 в конце 1914 г. "Г.Т." издавался в Нью Иорке до июня 1917 года, когда весь состав его редакции, вместе с типографией, уехал в Россию, где газета продолжала выходить еженедельно и ежедневно в Петрограде, а потом в Москве. Издание "Г.Т." было закрыто 11 апреля 1918 г. большевистско-левоэсэровским правительством. В числе руководителей газеты "ГТ" были *А. К. Родэ-Червинский, М. Раевский и Волин* (В. М. Эйхенбаум), редактировавший несколько последних выпусков "Г.Т." в Америке.

Кроме "Г.Т." в Нью Иорке издавался Анархическим Красным Крестом *"Голос Ссыльных и Заключенных Русских Анархистов"*; вышло два выпуска: № 1 за ноябрь 1913 г. и № 2 за октябрь 1914 года. Затем в августе 1916 г. начала выходить *"Рабочая Мысль"* — орган Вольных Рабочих Америки; журнал выходил ежемесячно и заполнялся исключительно А. Карелиным. Заведывал журналом А. Шнабель. Издание прекратилось на № 11 в июне 1917 года. В том же 1916 г. в Питтсбурге, Пеннсильвания, отколовшаяся от Федерации СРР группа, во главе с *Двигомировым* и *Рыбиным* (Зонов), выпустила в свет два номера газеты *"Восточная Заря."* Михаил Райва издавал в 1917 г. в Бруклине, Н. И., антирелигиозный ежемесячник *"Правда"*: № 1 вышел в январе, а последний № 4 —в апреле. Редакционный состав журнала уехал в Россию в июне 1917 года. Редактор М. Райва умер в пути.

С отъездом в Россию большого числа активистов Союза Русских Рабочих свободническое движение осталось без своего печатного органа до конца 1917 года, только в январе 1918 г. появился *"Набат"* — орган Федерации СРР. На третьем номере журнал был закрыт американскими властями, а его секретарь Адольф Шнабель арестован. Вместо "Набата" был выпущен *"Колокол,"* ко-

торый тоже немедленно закрыли власти. В течение почти целого года свободническое движение не имело собственного органа и пользовалось услугами прогрессивной русской печати, в которой велась усиленная кампания по объединению всех прогрессивных организаций, союзов, обществ, клубов и групп в одну большую федерацию.

I и II Общеколониальные Съезды

Благодаря этой кампании, *1-4 февраля 1918 г. состоялся в Нью Иорке I Общеколониальный Съезд*, на котором были представлены отделы социалистической партии, СРР, анархические группы и разные прогрессивные общества, кружки и клубы. *Присутствовало 170 делегатов от 220 организаций с общим количеством членов в 40,000 человек. Этот съезд образовал "Федерацию Русских Социалистических Организаций в Америке,"* но вследствие расхождения и последовавшего раскола между социалистами-марксистами и свободниками-анархистами, фактическое объединение не осуществилось: социалисты остались со своими 40 отделами, а остальные организации примкнули к свободническому движению. В результате I Общеколониального Съезда появился в свет еженедельник *"Рабочий и Крестьянин"* — орган Нью Иоркского Совета Рабочих Депутатов, в котором преобладали безвластники, и поэтому направление этой еженедельной газеты было полу-анархическим, хотя редактором ее был социалист Александр Браиловский.

После *II Общеколониального Съезда, состоявшегося 6-9 января 1919 г. в Нью Иорке, на котором было представлено 35,000 русских рабочих и крестьян,* еженедельная газета *"Рабочий и Крестьянин"* стала органом Исполнительного Комитета II Общеколониального Съезда, который решил превратить его в ежедневную газету, начавшую выходить с 1 сентября 1919 года. Браиловский был смещен с поста редактора и на его место приглашен К. Гордиенко. Первый номер еженедельника "Р. и К." вышел в свет 26 июня 1918 г., а последний (№ 60) ежедневной газеты вышел 7-го на 8-ое ноября 1919 года, когда редакция и типография подверглись разгрому, учиненному агентами министра юстиции Митчелла Палмера, политическая карьера которого вскоре закончилась.

Результатом II Общеколониального Съезда и состоявшегося одновременно V Съезда Союза Русских Рабочих было появление в свет 26 февраля 1919 г. еженедельника *"Хлеб и Воля"* — органа Федерации Союза Русских Рабочих Соединенных Штатов и Канады, редактором которого была Редакционная Коллегия. Передовые или редакционные статьи писались разными лицами. Сотрудничали в нем Кушнарев, Гордиенко, Березин, братья Шатцы, Перкус и другие. Последний № 38 "Х. и В." вышел 13 ноября 1919 года после разгрома Народного Дома — 133 Ист 15 улица — и всех помещавшихся в нем культурно-просветительных учреждений: секретариат Федерации СРР, секретариат Исполнит. Комитета II Общеколониального Съезда, Русская Школа, Клуб, где по вечерам читались лекции и доклады.

Палмеровские погромы

Правительственные погромы на радикалов прокатились по всей Америке: устраивались облавы на клубы "красных" или вообще революционно настроенных рабочих, которых там же зачастую избивали агенты Палмера и отправляли в тюрьмы. В результате этих погромов, вихрем пронесшихся по Америке, тысячи русских были брошены в тюрьмы. Большинство из арестованных было освобождено, но многие были признаны властями "опасными" или "нежелательными" и присуждены к депортации. Из них первая группа в 249 человек, в том числе Александр Беркман, Эмма Гольдман, Адольф Шнабель, Перкус, Бианки, Кушнарев, Орадовский и многие другие агитаторы и докладчики, активно работавшие в СРР, была выслана в декабре 1919 года в Россию на небольшом пароходе "Бофорд." Затем в 1920 г. последовало еще две высылки других групп "нежелательных." По случаю второй высылки оставшиеся на свободе члены нью-иоркской группы СРР выпустили 4 февраля 1920 года *"Прощальный Клич,"* заполненный материалом с "Острова Слез" (Эллис Айланд), где томилось несколько сот человек, предназначенных к депортации. "Прощальный Клич" был напечатан в Бриджпорте, Конн., И. Гуцулом, который подвергся за это взысканию. Следует еще отметить, что некоторых арестованных русских, подлежащих высылке из Америки в Россию, возили по несколько раз через океан, так как ни одно правительство в Европе не желало принять их, т. е. разрешить им легальное местожительство. В конце-концов они были выпущены на свободу.

"Американские Известия" и III Общеколониальный Съезд

Репрессии американского правительства не разрушили свободнического движения: на место разгромленных СРР появились новые организации: Союзы Рус. Граждан, Союзы Русс. Тружеников, О-ва Самообразования, Русские Технические Школы и вскоре образовали Федерацию Профсоюзов и Культурно-просветительных Организаций США и Канады, Исполнит. Комитет которой начал выпускать вместо "Рабочего и Крестьянина" ежедневную газету *"Американские Известия":* с 19 января по 10 июня 1920 года вышло в свет 112 номеров. Редактировал газету И. Л. Дурмашкин. Потом с 18 июня по 10 сентября 1920 г. "АИ" выходили еженедельником в 16 страниц полугазетного формата. Ее редактором был К. Ф. Гордиенко. Затем последовал переезд редакции и типографии "АИ" в новое помещение: с 13-й улицы на Первую, где газета стала выходить ежедневно и началась подготовка к *III Общеколониальному Съезду, который состоялся 6-9 марта 1921 года в Нью Иорке и на котором присутствовало 34 делегата от 37 союзов и обществ, представлявших 20,000 человек организованной русской колонии, примыкавшей к свободническому движению.* Этот съезд был проведен Исполнительным Комитетом вышеупомянутых организаций и газетой "АИ," которая с 8 декабря 1920 г. до 14 сентября 1921 года выходила ежедневно, ,при том же редакторе и при ближайшем участии К. Петрова, С. С. Михайлова, Зураева-Мурата, М. Стоцкого и других. За этот период вышло 211 номеров. Затем газета вынуждена была переехать опять в другое помещение — на 10-ую улицу.

На новом месте газета "АИ" начала выходить снова еженедельно. С уходом всего состава прежней редакции газету редактировал М. Рубежанин до 3 декабря 1924 года. С 8 декабря 1924 года до апреля 1926 года вместо "АИ" выходила ежедневная газета *"Рассвет,"* первым редактором которой был Ф. Кремер. В апреле 1926 года газета "Рассвет" переехала из Нью Иорка в Чикаго, где Прогрессивный Клуб при поддержке Детройтских организаций с Россел ул. и других городов купили для нее типографию газеты "Русский Вестник." С 1 мая 1926 г. газета "Рассвет" стала выходить в Чикаго. Ее редакторами были: Е. З. Моравский (Долинин), М. И. Рубежанин (Гайдук) и Ю. Карпик (Египетский). Из-за разных уклонов газета потеряла поддержку свободнических организаций, перешла в руки работавших в ней лиц, затем в руки младоросса Перцова-Калужина (в ноябре 1937 г.), а потом в руки правого эсэра В. Лебедева и, спустя год-полтора, закрылась. Детройтские организации, группирующиеся вокруг Интернационального Кооперативного Общества, при поддержке из других городов начали издавать еженедельную газету *"Американские Известия,"* которая просуществовала около года: с 26 ноября 1937 г. по 7 октября 1938 года. Всего вышло 38 номеров. Редактировал газету Рубежанин.

***

Образовавшиеся после Палмеровских погромов активистские группы приступили к изданию ежемесячного журнала *"Волна,"* первый номер которого вышел в феврале 1920 года. Журнал издавался в Детройте, Кливланде, Филадельфии и Нью Иорке. Первые номера журнала выходили без редактора, затем, начиная с № 12, редактором его был Л. Липоткин. После объединения "Волны" с канадским журналом *"Свободное Общество"* (вышло 4 выпуска с ноября 1920 г. по апрель 1921 года). "Волну" редактировал В. Додокин, который был редактором "Свободного Общества." Затем, начиная с № 36 и кончая № 58 (последним) за ноябрь 1924 года, "Волну" редактировал М. Рубежанин. Здесь следует отметить, что сами групповики не были тесно спаяны между собою: среди них шло брожение и расколы. Вскоре после прекращения ежедневного издания "АИ" и переезда с 1-ой улицы на 10-ую от "волновцев" откололась группа, во главе с В. Бондаренко, С. Павловым и К. Семенюком, которая стала издавать журнал *"Буревестник."* Первый номер вышел в октябре 1921 года, а последний (№ 5) — в феврале 1922 г.

По случаю смерти П. А. Кропоткина Нью Иоркская группа выпустила в мае 1921 года *"Клич Анархистов,"* посвященный памяти Кропоткина и заполненый материалом об его похоронах. Он был средактирован всей группой.

В 1923 году "волновцы" изменили свои взгляды и объединились с новым составом редакции "АИ." В том же году другая группа, не разделявшая ни взглядов "Волны," ни взглядов "АИ," обратилась к Берлинской группе анархистов в Германии с предложением приступить к изданию органа безвластников, который она готова финансировать.

Предложение Союза Российских Тружеников г. Нью Иорка было принято и в Берлине начал выходить объемистый журнал *"Анархический Вестник."* Первый номер журнала появился в свет в июле 1923 года, а последний (пятый по счету) выпуск в мае 1924 г. Журнал редактировали: Волин и П. Аршинов.

Так как объемистый "Анархический Вестник" поглощал много средств и не имел большого успеха, то решили перейти на более скромное издание и в июне 1925 года начали выпускать в Париже новый ежемесячный журнал *"Дело Труда"*; издание финансировалось из Америки. Журнал издавался в Париже до конца 1929 г. и редактировался П. Аршиновым, который в 1930 году перешел к большевикам. В том же году издание журнала "ДТ" было переведено в Америку и, начиная с № 56 (май 1930 г.), журнал стал выходить в Чикаго. Выпускался он Прогрессивным Клубом, во главе с Волковым и Новиковым, при содействии Нью Иоркской группы и Союза Российских Тружеников. С № 66 (декабрь 1931 г.) журнал стал редактировать Г. П. Максимов. Последний № 107 "ДТ" вышел в декабре 1939 года. После объединения "ДТ" с "Пробуждением," достигнутым к концу 1939 года, журнал стал выходить, начиная с января 1940 г., под двойным названием: *"Дело Труда-Пробуждение."*

Журнал *"Пробуждение"* издавался Детройтской группой безвластников, которых не удовлетворяла газета "Рассвет" и журнал "Дело Труда," при поддержке своих единомышленников в других городах. Первый номер вышел в апреле 1927 года. Редактировал журнал Е. З. Моравский (8 первых выпусков). В мае 1930 г. инициативная группа "Пробуждение" объединилась с Профсоюзом Детройта и нью-иоркским кружком "Друзей Свободы." Начиная с № 9, журнал редактировал М. И. Рубежанин. С апреля 1927 г. по август 1939 г. вышло в свет 97 номеров.

**
*

Для полноты обзора следует отметить, что русское свободническое движение активно поддерживало органы печати на украинском и английском языках. В мае 1919 г. был выпущен *"Голос Праці"* на украинском языке, — затем *"Вільна Праця"* (вышло 5 номеров по октябрь 1919 г.). Журнал издавался на средства Федерации СРР в Нью Иорке. *"Пробуда"* поддерживалась СРР г. Сеаттла, Вашингтон. После Палмеровских погромов издавалась *"Вільна Громада"* на средства Федерации "Волны." Появилось в свет шесть выпусков; последний в апреле 1922 года. Потом в 1923 году была выпущена *"Воля Украіны."* В 1919 г. в Нью Иорке издавался на английском языке ежемесячный журнал *"Фридом"*—("Свобода") при поддержке Федерации СРР, а затем—*"Эвейкнер"*—("Будильник"), который издавался русскими анархистами в Канаде в 1920 году.

Из европейских изданий, которые выпускались в Берлине и Париже анархистами, высланными большевиками из России, и распространялись в Америке русскими организациями, дававшими в большинстве случаев и средства на издание, следует отметить *"Рабочий Путь,"* — орган Комитета Защиты Анархо-Синдикалистов при Международном Товариществе Рабочих, — выходивший в Берлине ежемесячно с марта по август 1923 года. Журнал редактировался коллегией: Г. П. Максимов, М. Я. Мрачный, А. М. Шапиро и Х. Ярчук. Вышло в свет пять выпусков: № 1-6. *"Бюллетень Русских Анархистов"* издавался редакцией "Рабочего Пути" и рассылался в свободнические организации Северной и Южной Америки. *"Бюллетень Объединенного Комитета Защиты Заключенных Революционеров в России"* издавался в Берлине с 1923 г. по конец 1925 г. В Комитет входили: Заграничное Бюро по организации Всероссийской Конфедерации Анархо-Синдикалистов (Максимов, Мрачный и Ярчук, перешедший в 1925 г. к большевикам), Группа Русских Анахистов Заграницей (Волин и Аршинов) и Заграничное Бюро левых с-р и максималистов (И. З. Штейнберг и Бакал). Бюллетень выходил на русском, немецком, французском и английском языках и рассылался по организациям и в революционные органы печати. *"Бюллетень Фонда Помощи Заключенным и Ссыльным анархистам и анархо-синдикалистам в России"* и его продолжение *"Бюллетень Фонда Помощи при Международном Товариществе Рабочих заключенным и ссыльным анархистам и анархо-синдикалистам России."* Бюллетень издавался сначала в Берлине, а потом в Париже. Его редактором был Александр Беркман, а секретарем Фонда — М. Мрачный. *"Освобождение Профсоюзов"* — орган коллектива русских рабочих анархистов и анархо-синдикалистов — вышел в

ноябре 1928 г. в Париже под редакцией Лазаревича.

**
*

К органам свободнической печати следует причислить также печатные органы русских отделов Индустриальных Рабочих Мира. Эти органы часто редактировались анархистами из СРР, члены которых в большинстве случаев принадлежали к отделам ИРМ. Начиная с *"Голоса Труда"* и кончая еженедельником *"Хлеб и Воля,"* между СРР и русскими отделами ИРМ была тесная кооперация и практическая взаимная помощь. Первая русская индустриалистская газета *"Рабочая Речь"* начала выходить в Чикаго осенью 1915 г., но в 1916 г. ее издание было приостановлено властями. На ее место появилась другая еженедельная газета *"Рабочий,"* которая тоже была приостановлена в начале 1917 г. Тогда "Рабочего" заменил *"Всемирный Союз,"* тоже приостановленный властями, когда 5 сентября 1917 г. были произведены повсевместно облавы на членов союза Индустриальных Рабочих Мира. Газету редактировал В. Лосьев, который, будучи приговорен по Чикагскому процессу к 20 годам тюрьмы, бежал в Россию. Затем выходило *"Новое Общество"* и сборники: *"Факел"* и *"Голос Труда,"* выпущенные в летние месяцы 1918 года.

Еженедельная газета *"Голос Труженика,"* сменившая "Всемирный Союз," начала выходить перед окончанием Европейской войны (в ноябре 1918 г.). Газету редактировал Я. Санжур, которому помогал статьями в 1918 и в первой половине 1919 г. К. Гордиенко; статьи последнего чаще помещались без подписи, как передовые. Одно время газета выходила три раза в неделю в 1919 г., потом раз в неделю, раз в две недели и приостановилась 17 мая 1924 г. Одновременно издавался также ежемесячный журнал *"Трудовая Мысль"*; с мая по ноябрь 1919 года вышло семь выпусков. Затем в ноябре 1924 года газету "ГТ" заменил ежемесячный журнал *"Голос Труженика."* Первые 8 номеров журнала редактировал В. Хомич, а с № 9-10 (июль-август 1925 г.) и до конца издания (№ 26, май 1927 г.) — Г. П. Максимов, специально приехавший для этой цели из Парижа. Журнал был анархо-синдикалистского направления.

**
*

В Южной Америке в течение нескольких лет выходила еженедельная газета *"Голос Труда,"* которая издавалась Федерацией русских рабочих организаций Аргентины и Уругвая. Газета начала выходить в 1919 г. в Буэнос Айресе и приостановилась в 1930 г. после фашистского переворота ген. Урибуру. Кроме "ГТ," в августе 1928 г. в Буэнос Айресе был выпущен *"Бунтарь"* — орган русских анархистов-коммунистов. Вышло два номера. Там же выходила газета *"Анархия"* с мая 1930 г. по август 1932 года. Вышло пять выпусков. Потом выходили журнал *"Вольная Мысль"* с августа по октябрь 1932 года.

**
*

Журнал *"Дело Труда-Пробуждение"* — орган Объединенной Федерации Русских Рабочих Организаций Соед. Штатов и Канады — начал выходить после объединения обоих изданий. Первый номер вышел в январе-феврале 1940 года. Журнал выходил и продолжает выходить нерегулярно: 3-4 выпуска в год. С 1940 г. по конец 1954 г. вышло 46 выпусков. С № 1 по 32 включительно журнал редактировал Г. П. Максимов, умерший 16 марта 1950 г. Памяти Максимова был посвящен очередной выпуск — № 33 "ДТП" за июль-август 1950 г. Журнал "Дело Труда-Пробуждение" объединяет вокруг себя всех российских свободников.

(Окончание следует)

Марк Степной

Первый шаг от своего животного бытия к человеческому бытию дикий делает посредством религии. Но до тех пор, пока он будет религиозен, он не достигнет своей цели, так как всякая религия делает его безумным, наводит его на фальшивый путь и заставляет его искать божественное вместо человеческого. Все религии с их богами, полубогами, пророками, с их мессиями и святыми представляют собою продукт легкомысленной фантазии людей, которые еще не достигли полного развития и полного владения своими духовными силами. Это справедливо и по отношению к христианству: оно есть извращение человеческого понимания и разума. *М. Бакунин*

**
*

"Все, что мы вокруг нас видим, есть преходящее явление и должно перемениться, потому что спокойствие было бы равносильно смерти." — *П. Кропоткин.*

ИНДИВИДУАЛИЗМ И КОММУНИЗМ

Нижепечатаемая статья "Индивидуализм и Коммунизм" принадлежит перу известного историка международного анархического движения—**Макса Неттлау** (1865-1944). Статья эта впервые появляется в печати.—**Редакция.**

Анархизм уже не молод, и нам пора задать себе вопрос: почему, при всей энергии, посвященной его пропаганде, он не распространяется более быстрым темпом? Результаты пропаганды ограничены даже там, где местная активность достигает наибольшего развития, в то время как неизмеримые сферы вообще ею едва ли затронуты. Разбирая этот вопрос, я обойду молчанием проблему синдикализма, которая, поглощая так много анархистской активности и симпатий, по этой же самой причине не может быть рассматриваема, как вспомагательная сила к развитию чистого анархизма, сколько бы у нее других заслуг ни было. Я также постараюсь не повторять того, о чем я писал в прошлые годы в области усиления активности анархистов.

Я рассмотрю только теорию анархизма. Я сильно поражен контрастом между широтою задач анархизма — реализацией самой широкой свободы и благополучия для всех — и *узостью его экономической программы*, будь это индивидуалистический или коммунистический анархизм. Я склонен думать, что несоответствие его экономического базиса мешает рабочим массам приобрести практическую веру в анархизм, общая идея которого апеллирует ко всем, как нечто прекрасное. Я чувствую, что ни коммунизм, ни индивидуализм, став экономической формой, не даст истинную свободу, которая всегда требует предоставления выбора путей и разнообразия возможностей. Я знаю, что, если коммунистам поставить вопрос прямо, они ответят, что ничего не имеют против индивидуалистов, которые захотели бы жить по своему, если, конечно, они не будут стремиться к созданию новой власти. Но это редко говорится откровенно и подружески. Оба течения слишком уверены, что истинная свобода возможна только при проведении в жизнь их собственной программы. Я вполне согласен с тем, что есть такие коммунисты и индивидуалисты, которые вполне удовлетворены своими убеждениями и у них нет неразрешимых проблем. Однако, они не должны воображать, что все на них похожи и или примут их взгляды, или же навеки останутся "непризнанными" противниками, на которых не стоит обращать внимание. Пусть они всмотрятся в настоящую жизнь, которая мыслима только в своей разнообразности, несмотря на царящее в ней казенное однообразие. Мы все видим многообразную работу повседневной солидарности, из которой могут развиться новые формы коммунизма. Вся она — в зубах у разбойничьего капиталистического индивидуализма, который теперь царит над землей. Но этот жалкий буржуазный индивидуализм, раз он создал стремление к солидарности, ведущей к коммунизму, безусловно создает также и стремление к настоящему свободному и бескорыстному индивидуализму, где не будет злоупотреблений свободой действий для сокрушения слабейшего и создания монополий, как это теперь делается.

Ни коммунизм, ни индивидуализм никогда не исчезнут. И если бы, благодаря какому-нибудь массовому действию, был положен фундамент коммунизму в поверхностной фарме, то индивидуализм вырос бы еще в более сильной степени, как оппозиция к нему. Ибо где устанавливается какая-нибудь "казенная" система, там анархисты, если они искренни, уйдут вперед от этой системы и никогда не позволят себе сделаться окаменелыми апологетами этой системы, если бы она была даже самой чистой воды коммунистической.

Что же, они всегда будут в состоянии неудовлетворенности, никогда не испытывая покоя! Они могли бы успокоиться при таком общественном строе, где все экономические возможности были бы исчерпаны, и их энергия могла бы быть приложена для мирного соревнования, но ничуть не для продолжения борьбы и разрушения. Это желаемое положение вещей могло бы быть подготовлено, еслибы среди анархистов установилось убеждение в том, что коммунизм и индивидуализм одинаково важны и одинаково постоянны. И преобладание одного из этих течений над другим было бы величайшим несчастием для человечества. От изоляции мы бежим к солидарности и от чрезмерного давления общества мы ищем облегчения в уединении. И солидарность, и уединение, приходя в отдельности в нужный момент, являются сво-

бодой для нас. Вся человеческая жизнь колеблется между этими двумя полюсами в бесконечном разнообразии.

Разрешите мне представить себе на момент, что я живу в свободном обществе. Конечно, я буду заниматься и умственным, и физическим трудом. Было бы очень скучно, если бы три или четыре группы, среди которых я бы работал (надеюсь, тогда не было бы синдикалистов) были организованы по одному принципу. Я скорее думаю, что в них преобладали бы разные степени или формы коммунизма. Но неужели мне это не надоело бы? И неужели мне не захотелось бы забыться на время в относительном уединении или индивидуализме? Я, естественно, прибегнул бы к одной из многих форм индивидуализма "равного обмена." Люди обыкновенно делают одно, когда они молоды, и другое, когда они становятся старше. Те, которые являются индиферентными работниками, могут продолжать оставаться со своими группами. Более же передовые потеряют всякое терпение работать с "неуспевающими" и двинутся вперед, разве исключительное альтруистическое чувство заставит их плестись за ними в качестве учителей и советников. Я также мыслю себе, что вначале я проводил бы идею коммунизма с друзьями и индивидуализма с чужими, строя свое будущее в зависимости от этого опыта. Таким образом, свободный переход от одной формы коммунизма к другой, а также от одной формы индивидуализма к другой — был бы самым обыкновенным явлением в свободном обществе.

И если бы какая-нибудь группа сделала попытку приостановить эту и создать какую-нибудь доминирующую систему,—против нее возникла бы такая борьба, какую теперь ведут революционеры против существующей системы.

Почему же анархизм был расколот на два враждебных лагеря: коммунистов и индивидуалистов? Я думаю, что в этом виновата общечеловеческая слабость, от которой ни один из смертных не свободен. Вполне естественно, что одним импонирует больше коммунизм, а другим индивидуализм. И каждая группа разрабатывает свою экономическую гипотезу со всей силой своих убеждений и, укрепленная в своей вере, считает свою теорию единственной, правильно разрешающей проблему бытия. Вот откуда и взялись индивидуалистическая теория, существующая около столетия, и коллективистская и коммунистическая, существующие более половины столетия. Отсюда их устойчивость, крепость, кажущаяся постоянность, которую они должны были бы избегать, ибо застой — смерть для прогресса. Едва ли кем-нибудь сделано усилие, чтобы уничтожить разногласия этих школ. И таким образом обе они получили возможность свободно развиваться, насколько могли. Но каковы результаты?

Ни одна школа не смогла покорить другую. Где есть коммунисты, там индивидуалисты выростают из их же среды. С другой стороны ни одна индивидуалистическая волна не может залить коммунистической крепости. Поскольку разногласие и вражда существуют между группами, которые так близки друг другу, постольку мы видим коммунистический анархизм почти вымирающим на глазах у синдикализма и более не отвергающим компромисса принятия в большей или меньшей степени синдикалистских принципов, как единственного выхода. С другой стороны мы видим индивидуалистов, почти впадающих в буржуазные заблуждения, — все это в такое время, когда ошибки правительств и рост государственного насилия представляют самое широкое поле для плодотворной анархистской пропаганды.

Дошло до того, что на последнем съезде французских анархистов-коммунистов в Париже индивидулизм был заклеймен позором и формальной резолюцией помещен за грань анархизма. Если бы такой шаг когда-нибудь был предпринят на интернациональном конгрессе анархистов, то я попрощался бы навсегда со всеми надеждами, возлагаемыми на сектанский анархизм.

В этой статье я не намериваюсь защищать или нападать на коммунизм или индивидуализм. Лично я вижу много хорошего в коммунизме, но мысль об обобществлении его заставляет меня протестовать. Я не хотел бы рисковать своим будущим. Вопрос для меня остается совершенно открытым. Опыт покажет, какая из крайностей и какие промежуточные идеи окажутся более подходящими для того или иного времени.

Анархизм слишком дорог для меня, чтобы я хотел видеть его связанным с определенной экономической теорией, какой бы она заманчивой ни оказалась. Всякого рода "единственные" разрешения вопроса ни к чему не приведут, и каждый из нас свободен верить и проповедывать лелеемые им свои

идеи и может распространять их только в форме гипотезы. Между тем все знают, что литература коммунистического и индивидуалистического анархизма далека от соблюдения этих границ. В этом отношении мы все грешны.

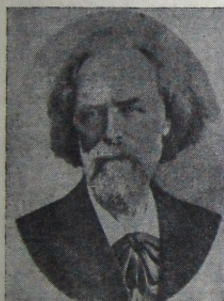
В своей статье я употребил термины "коммунистический" и "индивидуалистический" в их общем значении. Я хотел подчеркнуть бесполезность и даже катастрофичность секционности среди анархистов. И если какие-нибудь индивидуалисты заявляли или совершили абсурдные поступки (разве коммунисты безгрешны?), то разоблачить их не будет значить опровергнуть меня. Все, что я хочу, это видеть всех, которые восстают против власти, работающими в полной солидарности вместо того, чтобы быть разделенными на мелкие приходы людей, убежденных, что каждый из них обладает секретом экономического разрешения социальной проблемы. Для того, чтобы бороться против власти в капиталистической системе, при государственном социализме или синдикализме, или при всех трех вместе, необходима сильная волна анархистского чувства и без того, чтобы заниматься разрешением экономической проблемы.

Достаточно осознать это одно, чтобы считать огромную сферу солидарности созданной и заставить анархизм занять более твердую позицию и сиять ярче над всем миром.

Макс Неттлау

ПАМЯТИ ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ

Исполнилось в этом году 125 лет со дня рождения Элизе Реклю и 50 лет со дня его смерти. Отметить этот двойной юбилей — священная обязанность не только каждого анархиста, но и всех тех, в ком еще сохранилась хотя бы небольшая крупица порядочности и человечности.

Элизе Реклю

Э. Реклю прежде всего — человек. Цельный, законченный человек, совмещающий в себе и общественность, и науку, и лучшие чаяния людей. Односторонность и узкие тропинки чужды Э. Реклю. Он шел широкой дорогой, открывавшей ему необозримые горизонты. Американский общественный деятель К. Л. Джеймс в своей книге "Происхождение анархизма" уподобляет Реклю пророку, поднявшемуся на самую вершину мудрости (для беседы с Богом) и оставившему позади себя все житейские туманы, тучи и невзгоды. Там — внизу — могут бушевать грозы, клубиться туманы, но для него — пророка — всегда светит солнце. Он всегда видит то, чего другие иногда не видят. Ему всегда все открыто и ясно.

Сколько есть людей, — иногда очень искренних и порядочных, — пристально смотрящих в одну какую-либо узкую точку и совершенно не замечающих всего того, что не относится к этой "точке"? Сколько есть ученых, живущих исключительно ради науки? Сколько есть художников, лозунг которых—"искусство для искусства"? Сколько есть общественных деятелей, шагу не ступающих за пределы своей деятельности? Все такие люди, — даже если они мастера своего дела, — ремесленники, ибо кроме своего ремесла, они ничем другим не интересуются. Реклю не был ремесленником. Он олицетворял и ученого, и мыслителя, и человека, и общественного деятеля. Поэтому вполне законно предположение, что его имя, по выражению Пушкина, произнесет всяк сущий язык.

Еще определеннее (чем Джеймс) выразился о таких людях, как Реклю, Е. Баратынский:

> "С природой одною он жизнью дышал:
> Ручья разумел лепетанье,
> И говор древесных листов понимал,
> И чувствовал трав прозябанье;
> Была ему звездная книга ясна,
> И с ним говорила морская волна..."

Эти строки Баратынский посвятил великому Гете, но они вполне относятся и к Реклю. Реклю не только видел природу, т. е. воспринимал ее при помощи зрения, — он ее чувствовал, как бы сливался с нею. Глядя на те или иные растения, на тот или иной выступ скалы или извилину ручья, Реклю мог прочесть целую лекцию по геологии или по географии. Обыкновенный камень для Реклю

— не просто камень, а длительный процесс геологических изменений; обыкновенная капля воды — не просто капля, а результат атмосферических изменений. "Жизнь" капли воды приводит Реклю к широкому океану, ибо из капелек создаются ручьи, из ручьев — реки, впадающие в моря и океаны. В обратном направлении "жизнь" капли воды ведет к источнику всей жизни на земле — к солнцу, ибо вода не всегда остается водою, — она высыхает, превращается в туман, в облака, — это работа солнца.

Все течет, все изменяется. Жизнь — беспрерывный поток всевозможных видоизменений. Одной из струй, составляющих этот поток, является анархизм. Элементы анархизма Реклю находит в самом космосе. Жизнь не терпит принуждений. Все живущее стремится к свободе, все борется за свободу. Даже еле приметная былинка и та не может произрастать, если для нее нет свободы. В детской песенке о птичке, попавшей в сеть, говорится, что дети, поместив птичку в золотую клетку, угощают ее конфектами, предлагают чай и т. д., но птичка отказывается от всего этого и просит детей выпустить ее на волю, ибо на воле даже недоедание лучше сладких конфект в клетке.* Это естественное стремление к свободе и является тем фундаментом, на котором Реклю обосновал свою непоколебимую веру в торжество анархизма. Человек, ведь, не хуже птички или былинки: в конце концов и он придет к заключению, что жизнь без свободы — не жизнь, а прозябание.

**

Если Бакунин восхищает нас смелостью и отвагой, Кропоткин — умом и логикой, то Реклю больше всего прельщает чистотою, теплом и добротою. Такие светлые личности — редкое явление в истории. Принадлежи Реклю к религиозным фанатикам, он был бы провозглашен святым. И тем не менее Реклю меньше всего подходит к роли моралиста. Он не поучает других, он лишь сам старается быть в согласии со своими убеждениями. Но и это у Реклю выходит как-то так просто, так естественно, что иначе, кажется, и быть не может. Реклю чужд всякий фанфаронизм. Он не выступает гордо вперед и не перечисляет, подобно фарисею, своих добрых дел; не посыпает он также пеплом главы и не бежит от жизни. Он живет полной жизнью, ничем не отличаясь от обыкновенных людей, и тем не менее он, подобно сыну плотника из Назарета, тоже евшему, пившему и спавшему, возвышается над остальными. То, что принято называть величием или же обаянием, создано не поступками Реклю. Поступки Реклю самые обыкновенные, самые привычные. Величие и "сила" Реклю в самой его личности.

Как уже замечено выше, Реклю прежде всего человек. Но человек в лучшем понимании этого слова. Он отличался весьма мягким, добрым и мирным (несмотря на свою революционность) характером. За всю свою жизнь Реклю не оскорбил никого не только из своих друзей, но и из своих врагов. Древнее изречение — "и гады милует" — вполне подходит к Реклю. Доброта Реклю порой доходила до того, что его соратник и единомышленник, Жан Грав, только руками разводил. Как можно, вопрошает Грав, быть великодушным к тому, кто позорит идеал? Но для Реклю это было вполне возможно. Реклю умел отличить защиту идеала от обыкновенной зоологической ненависти к людям. Как защитник великого и возвышенного, он тверд и непоколебим (он принимал участие в защите Парижской Коммуны), но как "гонитель," он мягок и добродушен. Он — явная противоположность тем людям, которые, под тем или иным предлогом, способны практиковать террор. Отсюда вытекает своеобразный взгляд Реклю на революцию. Последнюю он признает, как средство защиты, но не как способ разрешения социальных вопросов. Пулей, по мнении Реклю, можно лишь уберечь себя от опасности, но для создания чего-либо положительного и конкретного — пуля не годится. Положительная часть программы анархизма должна всецело базироваться на солидарности, согласованности и личном желании. Даже если бы в свободном

* Как известно, для производства новоизобретенной вакцины против полио нужны почки одной из породы мартышек. Обезьянок ловят в лесах Индии и на аэропланах доставляют на фарму в Саут Каролайна. Здесь их в течение трех недель "откармливают," а затем посылают на операционный стол для умертвления. Уход за мартышками на фарме самый тщательный: образцовая чистота, вентиляция, высококалорийная диета с присовокуплением витаминов и т. д. И тем не менее смертность среди обреченных существ очень высока: в течение трех недель на каждые 15 мартышек одна умирает. Но поразительнее всего, однако, то, что ни одна из новорожденных обезьян (на фарме иногда бывают роды) не выживает. Все погибают. Оказывается, что полуголодная жизнь на свободе в лесах Индии гораздо лучше сытой жизни в неволе.

анархическом обществе нашлись люди, которые, вопреки законам природы, предпочли бы худшее лучшему, т. е. вместо того, чтобы наравне с другими жить свободно и вольно, пожелали бы реставрировать то, против чего произошла революция, то и в этом случае должно желание не встречать преград. Пусть реставрируют, но... пусть никому другому реставрирования не навязывают. Каждый имеет право на заблуждение, но никто не имеет права на навязывание этого заблуждения (а также и правоты) другим. В общем, жизнь в свободном обществе похожа на обедающих в ресторане: каждый может заказать себе блюдо, какое ему нравится (даже самое невкусное), но никто не может навязать другому точно такого же блюда.

Конечно, все это сказано лишь к примеру. Реклю твердо был убежден, что люди, вкусив сладкого, не захотят горького, т. е. добившись свободы, не пожелают возвращаться в рабство. Но все же, если бы подобная аномалия случилась, то лучше примириться с наличием аномалии, чем с наличием насилия, ибо последнее, каким бы контрабандным путем ни было введено, неизбежно нарушит гармонию, а без гармонии анархизм — не анархизм.

Непочтительное отношение Реклю к насилию нисколько не совпадает с евангельскими доводами о подставлении другой щеки, если ударят в первую. Реклю полагает, что вместо того, чтобы подставлять другую щеку, нужно связать руки драчуну, дабы в дальнейшем он не мог прикладывать их, куда не следует. Реклю насилия окончательно не отрицает, он его признает, но лишь в случаях самозащиты. Ведь и Христос, когда его во время суда кто-то ударил, сказал: "Зачем бьешь?" — запротестовал словесно. (В иной форме он уже не мог протестовать.)

***

Как ученый с мировым именем, Реклю без особого труда мог бы занять весьма выгодное положение в обществе. Лучшее место, в лучшем университете, с лучшим окладом — все это было обеспечено Реклю. Но он предпочел всему этому роль скромного труженика на ниве эмансипации, не убоясь даже изгнания из той страны, где родился. Как все это не похоже на современных ученых, в большинстве, преследующих исключительно материальные выгоды, почести и славу?! Малейший намек на привилегированное положение — был противен Реклю. По словам Ж. Грава, Реклю тяготился даже тем, что за свои научные труды получал иногда немного больше, чем обыкновенный рабочий за свою обыкновенную работу. Равенство Реклю понимал в буквальном смысле этого слова,

Скромность, трудолюбие и незлобие—вот основные черты характера Реклю. Трудолюбием он отличался исключительным. Каждый том его "Всеобщей Географии" доходит до тысячи страниц, а таких томов он написал девятнадцать. Кроме того, он написал пять больших томов "Земля и Человек" и обширный трехтомный труд под кратким названием: "Земля." Помимо чисто научных трудов, Реклю также часто писал на социально-политические темы. В добавление ко всему этому оставил он также несколько замечательных работ для юношества: "История ручья," "История горы" и др. Работать Реклю приходилось не так, как работают другие ученые. У последних целый штат служащих: переписчики, секретари, стенографистки и т. д. Ученые в большинстве случаев лишь диктуют, вся же техническая работа выполняется другими. Реклю все делал сам. Он не признавал ни наемного труда, ни эксплоатации. Немало времени уходило на собирание материала. Реклю много путешествовал. (Из всех материков только Австралию он, кажется, не посетил.) И путешествовал не так, как теперь путешествуют: не на автомобиле, а *пешком*. Он несколько раз пересек Францию, побывал на Балканах, в Испании, Италии, в странах Средней Европы. Путешествовал он в Африке и на Ближнем Востоке. Американский континент два раза посетил, при чем во время первого посещения прожил в Америке около пяти лет. Исходил он всю Ирландию и другие острова Великобритании. О Швейцарии, Бельгии и берегах Рейна уже и говорить нечего: там Реклю исследовал каждую пядь земли. Вся работа Реклю становится тем более грандиозной, если принять во внимание, что Реклю был принципиальным вегетарианцем и до крайности нетребовательным к пище. По словам Кропоткина меню Реклю состояло из ломтика черного хлеба, яблока и кисточки винограда. Племянник Реклю (Поль Реклю — сын старшего брата — тоже анархист по убеждениям) утверждает, что количество пищи, потребное для его дяди, едва-ли превышает четвертую часть того количества, которое необходимо для ежедневного пропитания среднего человека. Просто не верится, что-

бы человек, так мало кушавший, мог так много работать. Но Реклю мог... Почти до самой смерти он оставался первоклассным альпинистом. Уже на склоне лет он, по словам того же племянника, мог с проворством юноши взобраться на отвесную скалу или на высокое дерево. Природа наградила Реклю исключитчельной выносливостью, — не даром он как бы сливался с природой.

Из всех больших стран Реклю не был, кажется, только в России. Но зато его книги нигде не имели такого широкого распространения, как в России. По свидетельству Н. Рубакина, спрос на книги Реклю во многих библиотеках в больших городах России стоял на первом месте. (См. статью Рубакина в сборнике "Братья Реклю," изданном на английском языке Джозефом Ишеллем.) И это несмотря на то, что даже чисто научные труды Реклю встречали в России со стороны власть имущих известные преграды. Популярность книг Реклю в России объясняется тем, что тот дух, которым овеяна каждая страница, отвечает заветным чаяниям русского читателя. Русский человек по своей природе — идеалист. Он мечтает о светлой, счастливой, радостной и свободной жизни на земле. Об этом же мечтает и Реклю, и на основании своих научных исследований приходит к заключению, что рано или поздно эра эта наступит. Таким образом, стремление к лучшей жизни — связующее звено между Реклю и русским читателем. Нет сомнений, что если бы в настоящее время большевики разрешили читать книги Реклю, то спрос на них был бы гораздо больший, чем во времена царизма, ибо тоска по свободе и справедливости сейчас в несколько раз острее, чем тогда.

***

Свою общественную (а также и научную) деятельность Реклю, начал еще при жизни Прудона, а закончил в самый расцвет активной деятельности Кропоткина. На своем жизненном пути Реклю пришлось встретиться со многими выдающимися людьми. Он лично знал Бакунина, Маркса, Герцена, Мечникова, Лаврова, не говоря уже о Кропоткине, с которым его связывает долголетняя совместная работа. Все важнейшие события второй половины XIX столетия прошли при непосредственном отношении к ним Реклю. Он связан с Первым Интернационалом; участник Парижской Коммуны; причастен к отмене рабства в Соединенных Штатах и т. д. Умирая в 1905 году, Реклю видел занимавшуюся на востоке зарю — русскую революцию. За несколько часов до смерти он узнал из слов дочери, читавшей ему газеты, о восстании на "Потемкине." "Она идет" — были последние слова Реклю. "Она" — это революция, свобода, счастливая жизнь... Заря на востоке разгорелась, однако, лишь через 12 лет после смерти Реклю, да и то не надолго, ибо большевики скоро опять заволокли небосклон свинцовыми тучами.

Как анархист, Реклю меньше других своих единомышленников может жаловаться на судьбу. Анархическое движение было еле заметно в то время, когда Реклю начинал свою деятельность, а когда он ее кончал, — мимо анархизма уже никто, по выражению Толстого, не мог пройти молча, ибо анархизм к этому времени стал весьма заметным социальным фактором. Он вырос, так сказать, на глазах Реклю.

Быть свидетелем роста и развития тех идей, ради торжества которых все поставлено на карту, — разве это не высшая награда? Реклю имел все основания считать себя вознагражденным за свои труды. Слова песни "И мы не праздно в мире жили" — Реклю мог бы повторить, нисколько не опасаясь фальши. Одной из "заповедей" Реклю была: человек должен оставить сей мир лучшим, чем он его застал. Трудно сказать, оправдалась ли эта "заповедь" по отношении ко всему миру, но по отношении к анархизму она вполне оправдалась. Реклю поднял анархизм очень высоко, осветил его ярким светом. Неосвещенный маяк виден лишь днем, освященный же виден и ночью. Таким освещенним маяком оказался анархизм после Реклю. Несмотря на то, что по вопросу об анархизме Реклю написал сравнительно немного, но это немногое может успешно конкурировать с десятками томов. В трудах Реклю нет трескучей фразеологии, нет бахвальства, нет — что особенно важно — желчной критики. В последнем отношении Реклю —редкое исключение среди теоретиков анархизма. Всем теоретикам свойственно до некоторой степени пристрастие и даже односторонность. Толстой, напр., называл то, во что он верил и что пропагандировал, "единственным средством." (Все остальные средства, стало быть, никуда ни годятся.) Не трудно заметить "единственное" и у Кропоткина, хотя он об этом ничего не говорил. Ничего "единственного" нет у Реклю. Он не

настаивает, что только такое-то толкование анархизма — правильно, а все остальные толкования — ересь. Для Реклю *всякое* проявление анархизма дорого. Учить других — задача не весьма благородная, по мнению Реклю. Гораздо важнее — себя держать на должной высоте и в надлежащей чистоте. Такой подход к вещам давал возможность Реклю быть в дружеских отношениях со всеми анархистами (и даже со многими не анархистами). Врагов у Реклю (конечно, личных, а не идейных) не было. По словам Иоганна Моста, которого Реклю во время своего вторичного приезда в Соединенные Штаты посетил (неожиданно, без предупреждения) в редакции на Вильямс стрит, в Нью Иорке, — Реклю с первой же встречи становится другом, братом и товарищем.

Находясь со всеми в дружеских отношениях, Реклю тем не менее не растворялся в этой дружбе: везде и всегда он старался полностью сохранить свою индивидуальную независимость. В письмах к Бакунину он даже, как бы шутя, подписывался: "Независимый брат." Независимость личности или личная независимость — краеугольный камень, на котором Реклю строил свое социальное здание. Здесь он расходится с Кропоткиным, у которого личное иногда приносится в жертву общественному. Но Реклю не сходится и с теми, у которых, кроме личного, ничего другого нет. Свои доводы Реклю строит на полной гармонии между личным и общественным. С одной стороны — свобода, с другой — солидарность. Если между этими понятиями есть гармония, — жизнь будет счастлива; если гармонии нет, — добра ожидать не приходится. Но как установить эту гармонию? Ответ Реклю находит лишь в одном: *в нашем сознании*. Люди должны одновременно сознавать и свои права, и свои обязанности. Поэтому Реклю советует все начинать с *личного совершенствования*, ибо личное совершенствование неизбежно ведет к совершенствованию общественному. Это похоже на толстовское "все в тебе," но от толстовства оно отличается тем, что здесь нет ни малейшей прослойки религиозности. Реклю, несмотря на то, что он сын пастора, чужды были религиозные чувства.

**

Доброта Реклю иногда доходила до того, что он уподоблялся герою Сервантеса, т. е. сам же расплачивался за свою доброту. Жан Грав приводит несколько эпизодов из жизни Реклю — смешных и печальных одновременно. Однажды Реклю отправился в лондонский музей для наведения каких-то справок, нужных для научной работы. При входе в музей он натолкнулся на группу людей, сразу выдававших свое иностранное происхождение, и горячо споривших, указывая на изображение какого-то древнего храма. Из их спора Реклю убедился, что никто из них не имеет точного представления о том, о чем спорит. Подойдя к ним, Реклю на их же родном языке (Реклю владел несколькими языками) принялся разъяснять предмет их спора. Разъяснив один предмет, он перешел на разъяснение другого, потом третьего, пятого, десятого и т. д. Так он проходил с ними по залам музея целый день. Только, когда наступило время закрытия музея, Реклю вспомнил, зачем он сюда пришел. Но наводить справки уже было поздно. А между тем, на другой день нужно было уезжать из Лондона. "Что ж, утешал себя Реклю, справок не навел, но зато новых друзей приобрел." Другой раз Реклю вместе с Гравом спускались к набережной Сены. Впереди шли две женщины, сокрушенно изливавшие свое горе, заключавшееся в том, что они, уходя из дому, не захватили достаточно денег и поэтому не могли купить приглянувшуюся в магазине вещь. Узнав в чем дело, Реклю, долго не думая, достал из кармана бумажник, вынул из него несколько ассигнаций и учтиво предложил их горемычным женщинам. Последние, переглянувшись между собой, сочли это за оскорбление. "Мы не из тех, которых можно купить," — гневно ответили они, отстраняя деньги. Для Реклю это явилось полной неожиданностью. Он долго не знал, как поступить с деньгами — положить обратно в карман, или бросить на мостовую, как нечто оскорбительное. "А ведь они молодцы, — наконец начал он: — стойко защищают свое достоинство. И как это я не подумал, что... 'без спроса не суй носа.' В конце концов Реклю дошел до того, что сам себя стал обвинять. "Ведь я же предлагал деньги на покупку какой-то пустяковины. Зачем она им? Обойдутся и без нее. Пусть лучше молоко детям купят."

Обвинять других, даже если для этого имелись основания — было не в натуре Реклю. Зашел как-то разговор об инциденте на лекции профессора прогрессивных убеждений. Реакционерам лекция не нравилась, они громко выражали недовольство, а в конце

концов даже чем-то запустили в лектора, хотя, к счастию, и промахнулись. Все порицали хулиганов, все... за исключением Реклю. "Они имели право выразить недовольство,— твердил Реклю. — Если они поступили дико, то этим лишь подчеркнули, что прав лектор, а не они." Реклю подвергал критике лишь порядки и институты рабства и насилия, но не отдельные личности. Даже говоря о Тьере, душителе Парижской Коммуны, Реклю избегал присущего всем революционерам термина: "кровавый." — Тьер у него просто — "выскочка-буржуа." В соответствии с этим и революция в интерпретации Реклю представляется в образе сестры милосердия, всем помогающей и всех врачующей. Вот как Реклю описывает появление на свет одного из тех, против кого революция должно произойти:

> "Он родился вельможей. Лишь только успели положить его в колыбель, одетого в тонкие ткани и дорогие шелка, священник, судья, нотариус и другие особы пришли поклониться новорожденному, как будущему владельцу земли. Куртизаны, мужчины и женщины, стекаются со всех сторон, принося дары, дорогие ткани, затканные серебром, и золотые погремушки; и в то время, как его осыпают подарками, писцы записывают в больших книгах, что **малютка** (курсив Реклю —А.) владеет — здесь источниками, там реками, а еще дальше лесами, полями и лугами, там садами и еще другими полями, другими лесами, другими пастбищами. У него есть имения в горах, есть в долинах, даже под землею у него имеются крупные владения, где люди работают сотнями и тысячами. Достигши зрелого возраста, он, может быть, посетит когда-нибудь эти владения, унаследованные им по выходе из утробы матери — может быть, не даст себе труда заглянуть туда; но все равно, продукты собирать и продавать будет он. Со всех сторон, по проезжим и железным дорогам, на речных баржах и морских пароходах к нему будут прибывать мешки золота — доход с его поместий." ("Моему брату-крестьянину.")

Казалось бы, что когда пронесется революция, то от этого баловня судьбы останется, как говорится, одно лишь мокрое место. Ничего подобного! На другой день после революции Реклю подходит к тунеядцу и спокойно говорит: "Работайте, молодой человек... если хотите есть." Вот и все! Ни мести, ни трибуналов, ни гильотины, ни концлагерей... В другом месте ("Аанархия и церковь") Реклю пишет:

> "Мы всецело отвергаем как учение католицизма, так и учение всех родственных ему религий, дружественных и враждебных; мы боремся против их учреждений и дел, мы трудимся над разрушением последствий всех их поступков. Но мы делаем это без личной ненависти... Мы нисколько не помышляем об отомщении в тот день, когда мы окажемся сильнейшими... Месть совсем не в наших принципах, так как ненависть влечет за собой ненависть, а мы спешим начать новую эру социального мира."

Незлобие и великодушие излучается у Реклю даже там, где все решается при помощи силы. Тирания, как видно, присуща лишь садистам или заведомым тупицам. Просвещенным людям она противна.

***

Два раза Реклю посетил Соединенные Штаты: первый раз до гражданской войны, второй раз после гражданской войны. Целью первого посещения было — найти участок земли для свободной коммуны (идеи Роберта Оуэна и Э. Кабе в то время еще владели умами передовой части общества), целью второго — исследование страны для научного труда. Значительную часть времени, в первое посещение, Реклю провел в южных штатах, преимущественно в Луизиане. Французский язык в Луизиане в то время был еще в моде, поэтому Реклю не представляло большого труда устраиваться на должности преподавателя французского языка детям богатых плантаторов. Однако, нигде он не мог долго удержаться на этой должности. Его отрицательное отношение к рабству было достаточной причиной для увольнения его с работы. Особенно роздражало плантаторов то, что Реклю разбивал рабство словами из Декларации Независимости: все люди созданы Богом с одинаковыми правами. Плантаторы усматривали в этом нечто иное, как кощунство, и Реклю, повидимому, не избежал бы ареста, если бы своевременно не оставил пределов Соединенных Штатов.

Личные наблюдения над жизнью американского юга дали Реклю богатый материал для литературных работ. Его статьи с пламенной критикой рабства печатались в несколько французских печатных органах и способствовали тому, что когда вспыхнула гражданская война, то большинство населения Франции было на стороне Севера. Некоторые американцы не забыли этого. Когда Реклю после подавления Парижской Коммуны был присужден к каторжным работам, среди американцев, проживавших в Париже, поднялась интенсивная кампания в защиту Реклю. Некоторые из них обратились даже к представителю Соед. Штатов во Франции с просьбой заступиться за осужденного. Что ответил посол и какие меры он предпринял,

до сих пор в точности не выяснено.

Ко времени вторичного посещения Соед. Штатов рабство официально было отменено, но фактически начальные слова Декларации Независимости все еще не соответствовали действительности. Своеобразная черта оседлости для цветного населения в южных штатах все еще продолжала существовать. (Существуе она, впрочем, и сейчас.) Кроме того, быстро растущий капитализм проводил на социальной ниве новые межи и борозды. Роль прежних расовых, кастовых и сословных подразделений с успехом начал выполнять доллар. Все больше и больше о человеке стали судить не по его способностям и не по его душевным качествам, а по весу его кошелька. Тлетворное влияние доллара дало повод Реклю смотреть на успех как на что-то пагубное и опасное. "Бойтесь успеха" — предостерегает он. Предостережение — увы! — не праздное: многие светлые личности, обросши долларами, перестали быть светлыми.

Среди американских друзей и последователей Реклю особое место занимает Вольтерина де Клэйр. У нее много общего с Реклю. Для нее, как и для Реклю, анархизм интегрален. Ран и рубцев, нанесенных анархизму войной (1914-1918) и последовавшими за ней событиями, ни Реклю, ни де Клэйр не пришлось видеть. Счастливцы...

***

В числе лиц, подписавших петицию об освобождении Реклю от каторжных работ, были и основоположники теории развития — А. Уоллес и Ч. Дарвин. Как бы в благодарность за это, Реклю оказался одним из самых преданных последователей теории развития, придав ей, однако, более широкий смысл, а именно: включив в нее, помимо естественных наук, и науки социальные. История человечества, по мнению Реклю, продолжение истории земли; антропология — продолжение геологии. Смысл теории развития заключается не только в том, что она отрицает никому неведомые сверхъестественные силы, которые, по религиозным толкованиям, вмешиваются в нашу земную жизнь и играют живыми существами, как пешками, но и в том, что она исключает отчаяние и безнадежность. Сторонник теории развития не может потерять надежды на лучшее будущее даже в самую мрачную эпоху. Во времена могущества Персии никому, повидимому, в голову не приходило, что когда-нибудь от этого могущественного государства ничего не останется. Ничего подобного никто не думал и во времена могущества Рима. Все великие полководцы и завоеватели, находясь в зените славы, назвали бы глупцом того, кто сказал бы, что когда-нибудь от всех их завоеваний останется пустое место. А между тем, разве это не случилось? Где завоевания Александра Македонского, Аттилы, Чингис-Хана, Тамерлана, Наполеона и, наконец, Гитлера? Где завоевания татар, турок, гуннов? Разве не уходят в область преданий те дни, когда над английской империей никогда не заходило солнце? Бывшая владычица морей постепенно превращается в послушную паиньку.

Да, все течет, все меняется. "Нынче жребий выпал Трое, — завтра выпадает другим." Не исключено из этого правила и все то, что в данный момент кажется грозным и непоколебимым. Настанет и его черед. Нет ничего такого в жизни, что могло бы затвердеть, окаменеть, раз навсегда утвердиться. Камни — и те рушатся. Все занимает лишь определенное время и определенное место в истории. Это не значит, конечно, что всегда худшее уходит под напором лучшего. Бывает иногда как раз наоборот: худшее занимает место лучшего. Но это относится лишь к отдельным случаям, к разорванным звеньям истории. Если же взять историю, как целое, то не подлежит сомнению, что ход событий проложен от худшего к лучшему. Вот почему Реклю так твердо верил в торжество анархизма. Как историк и географ, он отчетливо видел, что человечество идет из тьмы веков к светлому будущему. Период физического людоедства уже давно пройден, настанет время, когда очутится позади и период политического людоедства. С этой точки зрения, нет никаких оснований сетовать поповоду того, что анархизм наших дней не похож на анархизм того времени, когда жил и творил Реклю. Анархизму, как и всякому социальному учению, свойственно отклонение в ту или другую сторону. Но пока у людей будет стремление к лучшему, — к более разумной, осмысленной и справедливой жизни (а это стремление всегда будет), — до тех пор опасаться за судьбу анархизма не приходится. Так или иначе, но он вступит в свои жизненные права.

Вот эта уверенность и есть величайшее наследство, оставленное нам Реклю. Написал он об анархизме, повторяем, немного, но

ЦЕРКОВЬ И АНАРХИЗМ

Наше отношение к церкви и церквам ясно определяется их собственным отношением к нам. Насчет последнего не возможны ни ошибки, ни сомнения. Нас ненавидят, поносят, проклинают. Нас обрекают не только на муки ада, — для нас это лишено всякого смысла, — но требуют даже, чтобы нас преследовали светскими законами; они предают нас особенной мести королей, тюремщиков и палачей, наконец, отдают в руки изобретательных мучителей, заведующих пытками, которых содержит в своих темницах все еще живая святая Инквизиция. Попы на официальном злостном языке последних булл сражаются именно с "безумными и дьявольскими новаторами, горделивыми последователями ложной науки, с фанатиками, прославляющими свободу совести, презирающими все святое, с гнусными развратителями юношества, с поборниками преступления и несправедливости," — эти проклятые, эти отверженные прежде всего — те, которые называют себя революционерами, анархистами или свободниками.

Прекрасно. Вполне справедливо и законно, чтобы те, кто называют и мнят себя помазанниками неограниченного господства над человеческим родом, сосредоточивали всю силу своей ненависти на "проклятых," которые отрицают их право на власть и осуждают все проявления этой власти. "Истребляйте! Истребляйте!" — таков девиз церкви, как и во времена святого Доминика и Иннокентия III.

Христианской нетерпимости мы противопоставляем также нетерпимость, но нетерпимость людей, проникнутых духом современной науки, а не нетерпимость кудесников и палачей. Мы всецело отвергаем, как учение католицизма, так и учение всех родственных ему религий, дружественных и враждебных; мы боремся против их учреждений и дел. Но мы делаем это без личной ненависти, потому что мы знаем, что действия людей определяются средой, где воспитывали их матери, где их кормило общество; мы знаем, другое воспитание и менее благоприятные обстоятельства могли бы и нас сделать более ограниченными, поэтому мы и стремимся прежде всего к тому, чтобы создать для них, — если еще не поздно, — и для всех будущих поколений новые условия, которые излечат наконец от мании креста и от других религиозных бредней. Мы нисколько не помышляем об отомщении в тот день, когда мы окажемся сильнейшими: церковь в течение 15 веков своего господства унесла так много жертв, что эшафотов и костров оказалось бы недостаточно. Притом же месть совсем не в наших принципах, т. к. ненависть влечет за собой ненависть, а мы спешим начать новую эру социального мира. Наше твердое намерение, которое мы хотим осуществить, состоит не в том, чтобы "внутренностями последнего священника свернуть шею последнему королю," но сделать так, чтобы в очищенной атмосфере нашего нового общества не могли бы рождаться ни короли, ни священники. Как того требует логика, наше революционное творчество относительно церкви должно быть разрушительным, прежде чем стать созидательным, хотя эти две фазы действий находятся во взаимной зависимости и могут осуществиться одновременно, но в различных формах, смотря по окружающей среде. Само собою разумеется, что мы и не думаем насильно разрушать искреннее верование, наивные и набожные иллюзии; мы не можем проникнуть в сознание, чтобы изгнать из него смущение духа и тревожные мечты, но мы можем приложить все старания к тому, чтобы устранить из дея-

---

это немногое написано так, что, когда его читаешь, явно слышится поступь человечества, идущего от рабства к свободе. Не только революция, но и эволюция, по определению Реклю, таит в себе начала анархизма. Человечество неуклонно движется туда, где проницательные умы уже давно узрели восходящее солнце Анархии. Здесь Реклю, действительно, как бы перевоплощается в пророка. Он как бы возвышается над нашей планетой и отчетливо видит путь, по которому идет человечество, — видит ту часть, которая уже пройдена, видит и ту, которую еще предстоит пройти. И не только сам видит, но и другим помогает видеть это. Теория развития в интерпретации Реклю — теория, ведущая к анархизму. Основа теории развития — совершенствование, а совершенствование, — как в интеллектуальном, так и в моральном смысле, — пролог к анархизму.

Так из дарвинизма вытекает анархизм.

Автономов

тельности общества все то, что противоречит признанным научным истинам, мы можем вступить в борьбу с теми, которые ищут точки опоры в божественном — вне человечества и мира, давая возможность кастам паразитов надевать личину набожных посредников между мнимым творцом и его созданиями.

Так как страх и запугивание были во все времена побудительными причинами, отдавшими людей в рабство, — ведь короли, маги, священники, педагоги, прибегали к этому средству в самых различных формах, — то мы будем непрестанно бороться с этим трепетом перед богами и перед священниками посредством изучений и изложения спокойной ясности вещей. Будем преследовать все выдумки, которыми заполнены преподавания, книги и искусства по милости получающих доход за счет древней богословской мудрости.

И особенно не будем забывать ставить препятствие мерзкому платежу прямых и косвенных налогов, которые у нас *вымогает* духовенство, прекращать постройку часовен, уличных алтарей, церквей, статуй по обету и других безобразий, которые позорят наши города и деревни. Прекратим источник миллионных доходов, со всех сторон приливающих к крупному нищему Рима и бесчисленным мелким нищим его конгрегаций. Наконец, повседневной пропагандой отнимем у священников детей, которых дают им учить, молодых людей, которых они хотят сочетать браком, умирающих, которых они кропят святой водой за приличное вознаграждение.

Пусть покинет народ христианство. "Но его обращают в христианство школы,—ответят нам: — как закроем мы эти школы, когда на их защиту встанут отцы семейств, требующие "свободы" воспитания, избранного ими?" И вот нам, ратующим напрасно о свободе, считающим личность достойной этого состояния, лишь в силу ее неограниченной гордой независимости, нам противопоставляют свободу. Если бы это слово соответствовало правильным понятием, то мы могли бы лишь с уважением преклониться, чтобы остаться верными себе; но разве эта отцовская свобода заслуживает иного названия, кроме похищения, простого и явного присвоения ребенка, который должен принадлежать себе самому и которого поручают церкви и государству, чтобы его искалечили по своему усмотрению? Разве не походит эта свобода на свободу фабриканта, располагающего сотнями и тысячами рук и употребляющего их, как ему заблагорассудится, — на то, чтобы дробить металлы или сучить нитки, — на свободу генерала, который заставляет маневрировать по своему усмотрению тактические единицы штыков и сабель.

Отец, убежденный потомок римского pater familias, имеет одинаковое право морально убивать, как сыновей, так и дочерей или, что еще хуже, — развращать их.

И из этих двух индивидов — отца и ребенка, — на наш взгляд равных, мы должны по мере сил поддерживать более слабого: с ним мы объявим себя солидарным, ибо мы постараемся защищать его от всех тех, кто вредит ему, будь то сам отец или называющий себя таковым. Если государство посредством особого закона, продиктованного общественным мнением, отнимает у отца право осуждать своего сына на невежество, то мы, объявившие себя солидарными с новым поколением, сделаем все, чтобы защищать последнего от извращенного образования. Бьют ли или мучают родители ребенка, начиняют ли катехизисом или развращают его невежественные "братья," учат ли лживой истории или фальшивой морали иезуиты, сотканным из низости и жестокости, — в наших глазах все это равно преступно.

Против всего этого мы боремся с одинаковой энергией. Конечно, пока существует монархическая форма семьи — слепок с государства управляющего нами,—до тех пор наше твердое намерение вступиться за ребенка, защищая его от родителей и священников, будет трудно осуществимо, но тем не менее, именно в этом направлении все наши усилия. Да, будем или поборниками справедливости, или сообщниками преступления — середины здесь нет.

В этом вопросе, как и во всех остальных социальных вопросах, перед нами встает великая проблема, породившая споры между Толстым и другими анархистами. Дело идет о непротивлении или сопротивлении злу; что касается нас, то мы находим, что оскорбленный, остающийся пассивным, отдает униженных и слабых во власть угнетателей и богачей. Будем сопротивляться без ненависти, без злобы, без жажды мщения, со спокойной гибкостью философа, который владеет и точно отражает в каждом своем поступке свою глубокую мысль и свое искреннее желание. Современная школа явно на-

правлена против нас, подобно удару шпаги или, вернее, подобно миллиону шпаг, т. к. дело идет о том, чтобы восстановить против нас всех детей нового поколения. Мы понимаем школу, как и общество, "без Бога и господина" и объединяем все силы нашего ума и воли против школ, где преподается послушание Богу и особенно его представителям, господам всех родов — отцам и монахам, королям и чиновникам. Мы равно отвергаем и все школы, где воспитывают мнимые гражданские добродетели—рабское выполнение законов и ненависть к другим народам, и те, где детям твердят о том, что они должны быть не более, как "палки" в руках священников. Мы осуждаем эти школы, и когда на нашей стороне будет сила, мы закроем их.

Пустые угрозы, скажут нам с иронией. Ведь вы еще не победители, и мы повелеваем королями и солдатами, чиновниками и палачами, Да, это повидимому справедливо!

И все же этот аппарат для угнетения нисколько не пугает нас, ибо так же велика сила тех, кто взял истину себе в союзницы и распространяет свет вокруг себя. История развивается благоприятно для нас, потому что, если бы наши противники объявили науку банкротом, то для нас она осталась нашим руководителем и поддержкой. Существенная разница между членами церкви и их врагами, между порабощенными людьми и свободными состоит в том, что первые, лишенные собственной инициативы, мало-по-малу слабеют и умирают, тогда как в нас расцветает жизнь благодаря самопроизвольной деятельности анархических сил.

Наше перерождающееся общество свободных людей, которое с трудом разрывает буржуазные путы, не могло бы иметь никакой надежды восторжествовать когда-либо, не могло бы даже родиться, если бы мы не имели перед собой истинных людей со своими собственными стремлениями и энергией, а не бесчисленную армию ханжей, расслабленных преклонением и послушанием и осужденных на хаотичность мыслей. Какова бы ни была ценность активно верующего христианина, с точки зрения его ремесла или занятий, он с точки зрения мышления остается лишь бесформенною массою. Это живой организм.

Тем не менее не нужно забывать, что самые страшные противники — не верующие, не бедняки, умертвляющие ум, которых вы найдете распростертыми в часовнях, набожная вера которых набросила на их глаза непроницаемую повязку, скрывающую от них действительный мир, нет, гораздо страшнее этих христиан те честолюбивые лицемеры, которые ведут их за собою, и те, равнодушные, которые, не будучи католиками, официально присоединились к церкви. Явление на первый взгляд противоречивое: клерикальная армия растет по мере того, как уменьшается вера. Вражеские силы собираются с двух сторон: церковь объединила вокруг себя всех своих естественных сообщников, которым нужны рабы: царей, военных, чиновников всех родов, раскаявшихся вольтерианцев и даже честных отцов семейств, которые хотели бы воспитать своих детей вполне благоразумными, вышколенными, грациозными и вежливыми, но лишенными силы во взглядах и мужества в мыслях.

Впрочем все это совершается под высоким покровительством так называемой "республики." Да, она по истине заслужила торжествующие слова епископа Дюпаллу: "Если последствием республики будет лишь возвращение иезуитов и всех религиозных конгрегаций, то я понимаю, почему Бог разрешил ее."

И церковь, всегда падкая на грабеж, не замедлила потребовать права вступления в ее члены для всех своих новых союзников, республиканцев и других. Благодаря этому, богатства духовенства возросли до громадных размеров. В одной Франции увеличились более чем в 2 раза за последние 20 лет XIX столетия.

Оценивают в миллиарды дома и земли, открыто принадлежащие попам, монахам, но сколькими миллиардами они еще владеют под именем старичков и вдов. Якобинцы почти радуются, видя, как эти огромные богатства концентрируются в одних руках, и надеются, что когда-либо государство одним ударом может завладеть ими: лекарство, способное перенести болезнь на другое место, но вовсе не излечить ее. Это имущество, добытое воровством и мошенничеством, должно быть отнято силою не в пользу одного или другого класса или нескольких лиц, но в пользу всех. Богатства эти составляют часть огромного достояния, принадлежащего всему человечеству. Все элементы реакции отныне объединены под одним и тем же символическим знаменем, и было бы наивно с нашей стороны, если бы мы позволили обмануть себя девизом этого знамени.

Речь идет уже не о религиозной вере, но о господстве: искренняя вера лишь предлог для огромного большинства тех, кто хочет сохранить монополию власти и богатства. Единственная цель их — помешать во что бы то ни стало осуществлению современного идеала: для всех хлеба, свободы, работы и отдыха.

Наши враги, несмотря на то, что ненавидят и презирают друг друга, должны были все таки объединиться в одну партию, и это важное явление должно радовать нас и побуждать к последней битве. Взятые сами по себе желания правящих классов слишком мало обоснованы, слишком нелогичны, чтобы их можно было защищать с успехом. Необходимо поэтому связать их с чем-либо высшим, с самим богом, "началом всех вещей и великим повелителем вселенной." Так во время сражения войска, занимающие слишком открытые позиции, покидают недавно выстроенные укрепления, чтобы собраться в центре, в старинной крепости, приспособленной для современной войны.

Перенесемся в воображении к будущим временам сознательной и разумной нерелигиозности. Что станут делать в новых условиях лучшие люди? — Заменять галлюцинации точными наблюдениями, ставить на место иллюзий о рае, который был обещан голодным, — действительность, основанную на социальной справедливости, благоденствии и гармоничной работе. Не трудно будет найти для последователей гуманитарной науки более содержательное и более согласованное с нравственностью счастье, чем то, которым в настоящее время довольствуются христиане, стремящиеся лишь избавиться от тяжелого труда — мыслить самим за себя и искать в своей собственной совести побудительную причину своих действий. Не имея видимого идола, как наши дикие предки, они хотят, по крайней мере, иметь скрытого идола, который бы залечивал раны, нанесенные их самолюбию, утешал бы их в несчастии и даже обеспечивал бы им бесконечную жизнь, свободную от всяких забот. Но всех этих благ они просят для себя лично, их религии нет дела до тех несчастных, которые продолжают суровую и опасную жизненную борьбу. Подобно созерцающим бурю в поэме Лукреция, им приятно смотреть с берега, как борются с волнами потерпевшие кораблекрушение.

Наш идеал совсем не похож на этот христианский эгоизм человека, который спасает себя, видя гибель своего ближнего. Мы, анархисты, работаем над полным освобождением всех других, обеспечивая им возможность на началах солидарности воспользоваться всяким из наших усилий. Мы понимаем нашу личную победу лишь постольку, поскольку она становится тотчас же победой общества. Наше личное счастье можно вообразить лишь среди счастья других. Анархическое общество не означает вовсе господства привилегированных, но общину равных, оно будет великим счастьем, о котором мы в настоящее время не имеем никакого представления. Жить там, где не будет голодных, вымаливающих копейку, проституток, продающих себя, чтобы достать хлеба, здоровых людей, становящихся солдатами и даже полицейскими, потому что у них нет других средств к существованию. Люди, примирившиеся между собою, так как деньги, положение и принадлежность к массе не будут создавать прирожденных врагов друг другу, смогут вместе изучать, принимать участие, следуя своим личным склонностям, в общей работе преобразования, в составлении великой книги человеческих знаний, одним словом, жить свободной, все более и более глубокой могущественно-сознательной и братской жизнью, ускользая таким образом от галлюцинации религиозности и церкви. А наслаждение искусством, ныне составляющее привилегию немногих, разве не будет достоянием всех без различия? Духовенство в настоящее время имеет претензию, которая была бы смешна, не будь она заявлена и принята за чистую истину огромным большинством добрых людей, довольствующихся повторением одного и того же, и торжественным враньем: духовенство считает своими архитекторов средних веков, скульпторов и художников эпохи Возрождения, всех артистов, которые жили в господство церкви и которые по большей части обязаны своим гением духу недовольства и даже возмущения. Когда церкви и соборы были общественными памятниками, где вся городская община сходилась на свои политические, социальные и религиозные заседания, где собирались все цехи для выяснения своих интересов, направленных даже против священников и епископов, тогда здания, которые представляли совокупность городского населения, обязаны были своею красотой единству духа, создавшего их. Гражданская община прославляла себя в этом общем труде, которому были посвяще-

ны в течение веков средства общины: самые красивые церкви Италии и Германии, Англии и Франции принадлежат тем городам, где граждане объединились в общины, республики, свободные города и заведывали своими делами вполне независимо, борясь в одно и то же время против знати и епископов.

Когда иезуиты, ставшие наконец господами, создали свой архитектурный стиль без помощи свободных каменщиков, предшественников "франко-масонов," тогда их тяжелые постройки, с их завитками, фантастическими чудовищами и позолотой засвидетельствовали в достаточной мере, до какой степени безобразия могут дойти так называемые артисты жреческой касты. Как ракообразные животные морских берегов располагаются в прекрасных чужих раковинах, так священники приписывают себе заслугу возведения прекрасных памятников средневековья, в которые они проскользнули воровским образом. Но если бы им предоставили свободу действий, то не осталось бы ни одного из этих зданий, которое не было бы ими обезображено и опозорено.

Католики, хотя и завладели официально обществом, вовсе не являются и не будут властителями последнего, так как они умеют лишь заглушать, подавлять, уменьшать: все живое ускользает от них. Пусть они поспешат провозгласить банкротство "искусства," как они сделали это с наукой, трудом, со всеми силами и способностями человека, ибо они не способны понять красоту, и их труды по необходимости будут так же мелочны, как породивший их фетишизм. Все великое и благородное совершается помимо их и вопреки им.

Бедняки, которым они с насмешкой обещали все богатства рая, добьются наконец благосостояния, настоящей жизни. Вопреки им возникнет истинная коммуна, общество свободных людей, к которому вели нас столько предшествующих революций против священников и против королей.

Элизе Реклю

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ, СОЦИАЛИЗАЦИЯ и КООПЕРАЦИЯ

Курьезно отметить, что наиболее употребительные в настоящее время термины, как "социализм," "национализация," "социализация" и "кооперация," понимаются разно и допускают массу определений. Начнем с термина *"социализм."* Еще в начале нашего века английская рабочая партия выпустила брошюру, в которой было напечатано около 100 ответов на вопрос: "Что такое социализм?" Пятнадцать лет тому назад известный германский экономист *В. Зомбарт* насчитывал уже несколько сот определений социализма.

Гораздо меньше определений имеют слова: "национализация" и "социализация," но и они ведут к недоразумениям. "Национализация," как и "социализация" фигуруют в программах многих социалистических партий, причем под этим подразумевается переход капиталистических предприятий в руки государства, для чего на русском языке существует точный термин "огосударствление," который не вполне привился в России. Французы и немцы употребляют слово, которое можно передать по-русски словом "этатизация," или общим для многих государств термином "государственный социализм," который гораздо ближе подходит к истине. Даже в современных государствах, стремящихся осуществить коммунизм, термин "государственный социализм" не исключается и представляется, как переходная ступень к коммунизму.

Ввиду того, что кооперация смешивается с национализацией, известный английский кооператор и руководитель английского Кооперативного Союза в Манчестере, *Флананган,* поместил в английской кооперативной прессе интересную статью под заглавием *"Не нужно смешивать кооперацию с национализацией"* и приводит следующие аргументы:

В то время как национализация осуществляется государственной властью, кооперация есть плод добровольной группы лиц. Кроме того, национализация имеет тенденцию к монополии, а кооперация против всякой монополии, в том числе и кооперативной. Национализация концентрирует экономическую мощь в руках центральной власти, в то время как кооперация распределяет экономическую власть в руках всех членов кооператива, признавая за каждым членом не только его права, но и определенные обязательства.

Что касается Великобритании, то она находится под демократическим контролем, но этот контроль не определен и только номинален, между тем как в кооперации действует фактический прямой контроль членов.

Прибавим к этому, что Фланаган забывает указать на страшное увеличение (в результате национализации) бюрократии, особенно в Советском Союзе, где забастовки запрещены, а в свободных государствах рабочие и служащие национализированных предприятий нередко терроризуют правительство забастовками. Тот же Фланаган правильно замечает, что в свободных государствах с часто меняющимися министерствами, как, напр., в Великобритании, некоторые еще недавно национализированные предприятия опять переведены новым правительством в руки капиталистов, напр., в индустрии железной и стальной. Верно замечает Фланаган, что государство вводит плановое хозяйство, но это плановое хозяйство в большинстве случаев ведет к крушению индустрии, ибо бюрократия национализированной промышленности фатально консервативна, между тем как кооперативные организации свободны и могут всегда экспериментировать по новому.

Нам больше нечего прибавлять к аргументам Фланагана, ибо за его аргументы красноречиво говорят факты, которые наблюдаются не только в двух больших восточных государствах, но даже и в свободной Франции, хотя и в меньшем размере. Этим объясняется и стремление в той же Франции и в некоторых других государствах превратить некоторые крупные отрасли индустрии и общественные службы в самоуправляющиеся единицы, менее зависимые от правительства, начиная с почты.

Жаль, что Фланаган не упоминает об одном способе социализации или кооператизации промышленности, а именно: о введении в предприятия участия рабочих в акционерном капитале, прибыли и в управлении этими предприятиями. В заключение отметим, что автор новой французской книги проф. *Жорж Лассерр* под заглавием "Социализировать, но свободно," так же, как Фланаган, высказывается против национализации.

Термин "социализация" включает в себе, как свободную кооператизацию, так и другие уже принудительные формы, как, напр., муниципализацию. Нужно еще заметить, что, кроме марксистского, авторитарного социализма, существует свободный социализм или анархизм.

Профессор В. Тотомианц

ПАМЯТИ УМЕРШИХ

23-го ноября, в госпитале гор. Пикскиль, на восьмидесятом году своей жизни тихо скончалась МИЛЛИ РОККЕР, верная спутница жизни Рудольфа Роккер в течении 58-ти лет.

Ея преданность этому ученому и писателю была безгранична, она ограждала его от мелочных житейских забот, предоставляя ему возможность всецело отдаться научным трудам.

Покойная была прекрасная, глубоко-нравственная женщина; высокая, с короной заложенными косами, она притягивала людей чистотой и возвышенностью своей личности.

На похоронах присутствовало более трех сот человек, гроб утопал в цветах, — были произнесены задушевные речи ее преданными друзьями, орисовавшими ея личность как луч света.

Мы все глубоко скорбим об ее утрате, память о ней будет жить в наших сердцах.

И. и Н. С.

Скоропостижно умер 19 мая 1955 года АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КУЗЕНКО, уроженец местечка Хомск, Кобринского уезда, Гродненской губ., приехавший в Америку в начале 1914 г. и сперва проживавший в г. Нью Иорке, а затем переехавший на постоянное жительство в Хартфорд, Коннектикут, где он почти все время работал официантом в гостиннице. Приятель покойного пишет: "В 8 часов утра 19 мая Андрей был здоров, а в 9 часов — его не стало. Добрая память доброму человеку, Андрею Владимировичу."

Покойному было около 60 лет. В молодости Андрей принимал участие в Союзе Русских Рабочих и Крестьян г. Хартфорда. Он всегда был отзывчив ко всякого рода добрым начинаниям и никогда не отказывал в помощи товарищам, очутившимся в нужде. После его смерти осталась жена и замужная дочь.

В г. Хартфорде, Коннектикут, умер 3 августа 1955 года ИВАН КАРБАНОВ, выходец из с. Леска, Боровского уезда, Калужской губ., родившийся 14 января 1883 года и приехавший в Америку в 1913 г. В последнее время Карбанов страдал от внутренних болезней. Три недели пролежал в госпитале, затем выписался, но по совету врача ходил в клинику в течение одного месяца. По реко-

мендации врача он пошел 2 августа снова в госпиталь, а третьего, в 11 часов дня, лег на операционный стол, на котором и умер, т. к. его больное сердце перестало работать. "Я очень огорчен утратой доброго товарища и друга, с которым прожил на одной квартире 23 года," — пишет его сожитель Моисей Лавренюк.

Незадолго перед своей смертью покойный И. Карбанов писал т. И. С. Волкову: "Знаю, что я беспокою тебя своими письмами, но что поделать, душа хочет дружеских разговоров. *Очень рад, что ты не падаешь духом и дорожишь свободой. В этом отношении мы с тобою близнецы."*

Похоронен Иван Карбанов на кладбище в Вест Хартфорд, рядом с могилой его земляка Проколкина, умершего в прошлом году. В лице И. Карбанова русская колония Хартфорда потеряла одного из интереснейших и самых здравомыслящих старых русских колонистов.

Фарма "Живой Дуб"

Дорогие товарищи делотрудовцы! В первых числах августа я имел случай побывать на фарме "Живой Дуб" во Флориде — "Лайв Оак Фарм."

Положение фармы удобное: фарма расположена между двумя большими озерами и ее соединяет весьма оживленная автострада 44 с двумя городами: один — железнодорожный узел, а другой — очень красивый своими постройками и магазинами — чистенький цветущий город.

Климат во Флориде идеальный. Земля на фарме "Живой Дуб" хорошая, легкая для обработки; можно вести огородничество, садоводство, птицеводство, животноводство или молочное дело. Последнее я считаю наилучшим, так как молочное дело не требует много денег и труда.

Сбывать продукты не представляет затруднений, потому что, как я выше заметил, фарма находится между двумя центрами.

Некоторые подумают, как же мы, пожилые люди, можем сделать это, если молодежь не хочет быть с нами на фарме? Покойный Генри Форд говорил, что он больше полагается на более старших рабочих, чем молодых, т. к. старшие берут ловкостью и опытом. А на свежем воздухе человек бодрее, энергичнее.

Земля — мать-кормилица. Я, например, трудился несколько лет и сделал в лесу хороший огород. Каждый из нас — землероб и знает, что в старом крае каждый кусочек земли высоко ценился и что земля требует рабочих рук.

Теперь дело за деньгами, которые нужно вложить в предприятие, а также надо вложить и труд. Над этим товарищи должны подумать. Я желал бы, чтобы многие другие товарищи посетили эту фарму, по своему оценили и дали совет, какого рода предприятия там устроить с наименьшей затратой капитала и труда. Мы ведь живем в веке техники и всяких изобретений. Обо всем этом товарищи должны подумать и писать в журнале "Дело Труда-Пробуждение."

Петр Ф. Кунавич

Библиография

ОСНОВЫ АНАРХИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА*

Среди пионеров русского анархического движения в Америке А. Карелин занимает одно из первых мест. Его литературное участие в этом движении началось еще раньше создания в 1914 г. Федерации Союзов Русских Рабочих. Он был первым редактором и одним из главных и постоянных сотрудников первого русского анархического органа — ежемесячника "ГОЛОС ТРУДА," начавшего издаваться в Нью Иорке в марте 1911 года. Этот орган он редактировал из Парижа и в течение трех лет поместил под разными псевдонимами, инициалами, иногда анонимно, большое количество статей на разные социально-политические и экономические темы. При его ближайшем участии ньюиоркский СРР начал издавать в середине 1916 г. ежемесячный журнал "РАБОЧАЯ МЫСЛЬ," — орган вольных рабочих Америки. Журнал издавался около года и заполнялся почти исключительно статьями Карелина. В Америке же были изданы и широко распространены и некоторые его брошюры: "ВРАГИ И ДРУЗЬЯ КРЕСТЬЯН," "РАБОЧЕЕ ДЕЛО," "ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ" и ставшей популярной книга "КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ," вышедшая в начале 1917 г. и разошедшаяся в сотнях экземпляров.

Аполлон Карелин родился в 1863 г. в Петербурге. Его отец был художником, а мать учительницей. В начале 70-х годов его родители переехали на жительство в Нижний-Новгород, где Карелин учился в местной гимназии. В 1882 г. он поступил на юридический факультет Петербургского университета, а в 1888 году выдержал экзамен на кандидата юридических наук. Еще студентом он начал интересоваться рабочим движением и политическими вопросами и постепенно стал вести социалистическую пропаганду среди студентов и рабочих. К этому времени относится и его литературная деятельность. Он стал помещать статьи по рабочему вопросу и политической экономии в прогрессивных журналах "РУССКАЯ МЫСЛЬ" и "СЕВЕРНЫЙ ВЕСТНИК," а в 1893 г. издал в Петербурге свою первую книгу "ОБЩИННОЕ ВЛАДЕНИЕ В РОССИИ."

В 1908 г. Карелин эмигрировал во Францию и поселился в Париже. Здесь и сложилось его анархическое мировоззрение. В 1910 г. он начал редактировать анархический журнал "ВОЛЬНАЯ ОБЩИНА" и одновременно сотрудничал в других анархических журналах, как "ХЛЕБ И ВОЛЯ" и выше упомянутый "ГОЛОС ТРУДА."

Вскоре после русской революции 1917 г. Карелин оставил Францию и возвратился в Россию. В Петербурге он принимал близкое участие в издании анархической газеты "БУРЕВЕСТНИК," выступал с лекциями по вопросам рабочего движения и активно участвовал в создании "ВСЕРОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ АНАРХИСТОВ." В начале 1920 года в Москве была издана его книга "ГОСУДАРСТВО И АНАРХИСТЫ," в которой он подвергает критике властнические стремления большевиков и призывает анархистов к углублению революции и со-

---

* А. Карелин: "Вольная Жизнь." 158 стр. Издательство: Профсоюз г. Детройта. 1955 г.

зданию свободных коммун. Книга была запрещена большевиками. В течение нескольких лет он продолжал сотрудничать во многих анархических журналах и газетах, издававшихся в России и заграницей, как "БУРЕВЕСТНИК," "АНАРХИЯ," "АМЕРИКАНСКИЕ ИЗВЕСТИЯ," "ГОЛОС ТРУДА" (Аргентина), в которых поместил много важных статтей. Одна из них — "ПРОТИВ СМЕРТНОЙ КАЗНИ" была издана при его жизни отдельной брошюрой. Умер А. Карелин в Москве в марте 1926 г., в возрасте 63 лет.

Светлая память о Карелине, как о пионере русского анархического движения и долголетнем сотруднике многих анархических журналов, до сих пор живет в сердцах русских рабочих, делу освобождения которых он посвятил почти сорок лет своей сознательной жизни. Спустя 29 лет после его смерти, его единомышленники в Америке издали его книгу "ВОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ." Книга открывается тремя вступительными статьями: Моравского, Солоновича и Н. И. П., в которых дается общая характеристика жизни, деятельности и мировоззрения Карелина. Затем следует обширная статья автора о сущности и значении закона. В ней он начинает с указания на то, что ненормальное состояние современного общества требует все больше и больше законов, и последних накопилось такое множество, что сами законодатели и юристы не знают их подлинного значения. Далее он указывает, что закон — явление сравнительно новое, так как человечество прожило многие сотни и тысячи лет, не имея никакого представления о писанных законах. Долгие века люди жили и управлялись естественными обычаями и нравами, т. е. неписанными законами. В древние времена взаимоотношения людей основывались на началах равенства и справедливости. Но с приходом буржуазии к государственной власти, узаконившей грабеж и частную собственность, законы становятся орудием порабощения и эксплоатации. Закон и власть — близнецы, помогающие друг другу в порабощении человечества. Законы создаются сильными мира сего для охраны собственности и привилегий богатых и господствующих классов. Но в свободном обществе, основанном на равенстве, не будет больше нужды в буржуазных или правительственных законах. Вместо них будет установлено право вольного соглашения и общественные взаимоотношения людей будут базироваться на свободе, равенстве и справедливости.

Наибольший интерес вызывает другая обширная статья автора — "Что такое анархия?" — занимающая почти половину книги (68 страниц). В ней он устанавливает, что анархия не означает беспорядка, как многие неправильно думают. Анархия — это идеал свободной жизни свободных людей. Все властители, не исключая социалистов и коммунистов, утверждают, что общественная жизнь невозможна без власти и правительства. С целью опорочить анархизм, они отождествляют анархию с беспорядком и хаосом. Но верно обратное: всякая власть — буржуазная, социалистическая, коммунистическая, — являясь защитницей социального неравенства и порабощения, порождает недовольство и беспорядок. Ни при капитализме, ни при коммунизме не может быть гармонической жизни, не может быть согласия и содружества людей, потому что эти системы держатся на насилии, неравенстве и эксплоатации. Весьма понятно, что безвластное общество, к которому стремятся анархисты, невыгодно богатым и господствующим классам, ибо они лишаются богатства, привилегий и власти. Власть является главным корнем социального зла и освободиться от него можно только в свободном обществе. **"Анархическое общество возможно лишь в том случае, если люди перестанут облекать других людей властью для того, чтобы эти властители устраивали дела подвластных"** (курсив Карелина, стр. 135). В этих прекрасных словах заключается глубокая анархическая истина, о которой не мешает напомнить власть имущим и к власти стремящимся.

Прототипом будущего анархического общества автор выставляет Вольный Город. Основным устоем вольных городов должно быть самоуправление на местах. Население должно держаться принципов свободы, взаимопомощи и содружества. Каждый будет трудиться по мере сил и способностей и получать все необходимые жизненные продукты. Вольные города или свободные коммуны — это новые формы свободной социальной жизни. Книга заканчивается "десятью заповедями организованных рабочих," в которых схематически указывается, как следует организовать вольные рабочие советы.

Знакомясь с анархическими идеями Карелина, можно легко убедиться, что они во многом сходятся с идеями М. Бакунина об анархии и вольной народной жизни и с идеями П. Кропоткина о свободных, безгосударственных коммунах. Народнический характер анархизма Карелина ярко сказывается в оставленном им богатом литературном наследстве — многочисленных статьях, брошюрах и книгах, написанных простым народным языком. А его популяризация анархических идей давно была достойным образом оценена его многочисленными единомышленниками в Америке и России.

"Вольная Жизнь" очень полезная и содержательная книга. Издание таких книг следует приветствовать и заодно пожелать успеха Профсоюзу Детройта в его дальнейшей издательской деятельности.

Л. Липоткин

ПОМОЩЬ ЖУРНАЛУ

В издательский фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение" поступили следующие пожертвования: И. Ткачев — 3 д., Ф. Черновец — 5 д., И. Милешко — 3 д. и за книгу Карелина 1 д., П. Пенев — 1 д. и за книгу 1 д., П. Гронский — 7 д., вырученные за книги Алексеева, Неттлау и Долинина-Моравского, присланные Профсоюзом г. Детройта для распространения; из Юнгстаун, Охайо, через итальянскую газету "Ладуната" — 5 д.

Поступило по подписным листам

ДЕТРОЙТ, Мич. — Подп. лист № 3. Жертвовали по **5 д.:** Чета Коваленко, К. Левчак, К. Талан, С. Терпигора; по **3 д.:** Е. Ситер, К. Крутель, С. Дмитрук; по **2 д.:** Н. Ткачук, П. Дмитрошко, Г. Янук, И. Федорышин, Ж. Новин, М. М., В. Голдис, М. Громыков, Н. Т. Д., И. Чуган, Н. Лисюк, М. Торейко, Н. Роженко; по **1 д.:** А. Тарамбула, И. Соколович, М. Моско, Р. Шаров, А. Кот, С. Грабовский, В. Чурилов, Т. Матле, Н. Прокоп, В. Антонович, П. Ришкель, Г. С., П. К., Г. Кипень.

ГЭРИ, Индиана. — подп. лист № 6: Гвай — 30 д., Кивак — 5 д.

САНТ ЛУИС, Мизури. — под. лист № 7: М. Хведченя — 10 д.; по **5 д.:** Тюшкевич, М. Радивон-

чик, В. Шурхай, А. Чепурка; по **1 д.:** И. Тарасевич, О. Никонович.

НЬЮ ИОРК, Н. И. — Подп. лист № 9: по **5 д.:** И. Данилюк, С. Данилюк, С. М—ко, И. А—ко, П. Б.; по **2 д.:** Френк Жук, В. Ко—лов; по **1 д.:** Г. Х—рис, Н. Х—э, Неизвестный, В. Ящук.

Секретарь **И. Данилюк.**

ВЕСТИ ИЗ ИЗРАИЛЯ

Дорогой товарищ! Ваше письмо и письмо т. К. с 10 интернац. купонами я давным-давно получила. Сердечно благодарю вас. С письмами у меня вышла большая заминка. С т. К. о многом хочется поговорить по душам, но была в кибуце. Надо было кончать срочную работу. Болели дорогие мне люди. Болела я сама и по сей день чувствую себя плохо. Очень виновата перед всеми с письмами. Если не буду болеть, каждый день после уборки начну с письма. Одно или пол-письма постараюсь каждый день написать. А пока пусть простят меня тт. К., А. и М. Передайте им мои извинения и сердечные приветы. Всех вас крепко помню и люблю, хоть и не пишу.

Во время болезни прочла Эжена Потье "Стихи," (Жаль, что не в оригинале, а в русском переводе) и книгу Эль Компенсино "Жизнь и смерть в СССР."

Большая просьба к товарищам: мне недостает для пополнения комплекта "ДТП" № 24-го. Помимо этого, не можете ли Вы мне послать с 1-го по 20-й номер "ДТ"? Я хотела бы полный комплект дать в библиотеку. Постарайтесь исполнить эту просьбу по мере возможности.

С 19 ноября здесь удивительно хорошая, мягкая и ласковая погода. Правда, была неделя страшных дождей и ливней, которые принесли бедной стране необыкновенно большие материальные убытки. Были даже человеческие жертвы. Но теперь снова очаровательная погода, всё растет, цветет, зеленеет. Теперь так хочется жить и работать, и в хорошие дни попутешествовать по этой очень интересной стране, хоть и очень трудной для повседневной жизни.

* * *

Ругайте, бейте, что хотите делайте, но так уж случилось, что ничего не писала Вам, а как часто хотела и думала писать. Из-за усталости, жары, — все откладывала на завтра.

Жара постепенно ломает и физические и душевные силы человека. Только четыре зимних месяца я могу жить и работать по-человечески. Остальное время я очень страдаю от жары. Очень горько и обидно быть рабом климата. Но так уж устроен мой организм, что жара — пытка. Некоторые из старожилов мне говорили, что чем больше живешь, тем труднее переносишь климат. Не думала я, что уже на втором году жизни я буду такой сломанной. Прошлым летом, хоть и с трудом, но отработала большую и трудную работу. Теперь даже читать стало трудно. Час чтения и уже перестаешь понимать, что читаешь.

Жара, пески, насекомые, вечно льет пот ручьями, ежедневное мытье полов, частая стирка и прочие неблагоустройства жизни пожирают необыкновенно много времени и сил. Помимо того, у меня были долги, которые должна отдать в форме тех или других работ. Три из них я уже отработала, но два — не знаю, когда смогу отработать. Это причиняет мне большие огорчения.

В Париже, например, когда есть долги, не проблема купить хлеб и молоко. А здесь, в этой глуши, ходишь по несколько раз пока получишь продукты первой необходимости. Я себе не представляла, как здесь трудна и сложна жизнь повседневными мелочами. Хочешь, не хочешь, об этом надо думать и тратить время. Конечно, живи в городе, все было бы значительно легче. Главное — жара. Это мой первый и непобедимый враг. Из-за всего этого пострадали и дружеские письма и все другие личные дела, и не могла держать товарищей в курсе своих переживаний.

Хоть здесь я и пенсию имею, а все же хочу обратно уехать во Францию. Конечно, это не легко. Самое трудное получить визу и постоянное право жительства. Такие иностранцы, как я, не желательны ни в одном государстве. Но с ноября, когда спадет жара, хочу начать хлопоты. Не хотелось бы еще третье лето мучиться от жары. Хочу сызнова пытаться начать новую жизнь. Знаю хорошо, что это будет не легко, но и страдать от жары — такая мука. Если буду иметь работу, — я надеюсь на это, — а комнатку имею и без пенсии как-то в старом большом городе легче жить. Конечно, такой любви и внимания там я уже иметь не буду. Но жара и хамсины меня так страшат и мучают. Кажется, душой я еще молода, но физически сильно сдалась. Я не надеюсь, как Вы, прожить до ста лет. Мне кажется, что мне осталось недолго жить. Поэтому меня тянет в Париж, к богатой культурной жизни. Здесь так трудно достать нужную книгу, пойти на концерт или на выставку. Ведь глушь, в которой я живу.

Мне очень неприятно, что я Вас огорчила своим письмом в "Сеятель." Но я должна была написать, ибо продажа русских детей в Вильно — шла и ой-ой в каких размерах. Я значительно терпимее к людям инакомыслящим, чем Вы. Я думаю так, как думал Николай Рубакин: "Будем смотреть прежде всего на то, что соединяет людей, а не на то, что их разъединяет."

Что бывает разный антибольшевизм, я совершенно того же самого мнения, что и Вы. Но вера в бога или в православие, — это частное дело каждого человека. Да, И. Ч. прислал мне "В вихре революции" и позднее "Вольную Жизнь" — два экземпляра. Увы, об этом я ему не написала и за "Вольную Жизнь" до сих пор не поблагодарила. Мне все стало трудным, в том числе и писание писем. Если можете, поблагодарите его от моего имени. Очень мне понравилась эта работа Карелина.

От кого это зависит, и к кому обратиться, чтобы мне высылали "ДТП"? Номера 47-го я совсем не получила, хоть там и была моя рецензия о книге Лазаревичей. Выпросила единственный экземпляр у Дины Г. для Иерусалимской Университетской Библиотеки. Жена Рубина тоже перестала получать журнал. Она не получила даже того номера, в котором был некролог об ее муже. Просила я для комплекта прислать № 21-й и тоже нет. Здесь многие интересуются журналом "Дело Труда-Пробуждение." Недостаточно одного экземпляра, который получает Дина.

Так как в Израиле очень силен английский язык, просила бы, если можно, прислать книгу Максимова "Учение Бакунина" и то, что можно, солидное из нашей литературы на английском языке. Хотела бы, чтобы это попало в Университетскую Библиотеку.

Будьте здоровы. Не поминайте меня лихом. **А.Ш.**

ПИСЬМО ИЗ АВСТРАЛИИ

Дорогие товарищи, читая журнал "Дело Труда-Пробуждение," я все больше и больше убеждаюсь в необходимости проведения в жизнь народов идеи анархизма, осуществляя таковую не путем приказа и насилия, как это делают марксисты, а на основе сознательной взаимопомощи и отказа от эгоизма. Ступивши на путь анархизма, человечество избавится от всех политических и экономических бурь — предвестников жестоких войн, разрушений и упадка моральных сил народов, ведущих к деградации и одичанию.

Ныне существующие системы управления и формы общественной жизни—буржуазно-капиталистическая, именующая себя свободным Западом, и большевистская, реклямирующая себя истинной демократией, — не оправдали надежд и чаяний народов. Рулевые обеих систем при помощи пропагандных трюков и лживых обещаний привели человечество к страшным испытаниям и поставили его перед угрозой новой атомной войны.

Обманутые народы потеряли веру в возможность нормальной семейной и общественной жизни: они не доверяют своим правительствам и не согласны с введенными ими формами управления. Систематическая лживая пропаганда государственников с целью обработки населения в определенном направлении не может дать ожидаемых результатов по причине расхождения пропагандных обещаний с проводимыми ими в жизнь делами. Лживость пропаганды раздражает и озлобляет постепенно слушателя, которого она превращает из нормального в нервно-больного.

Население, потерявшее веру в целесообразность существующего уклада жизни, с подорванной нервной системой, не находя выхода из сетей обмана, лжи и фальшивого благоустройства, бросается в крайности или, как принято говорить, сходит с правильного пути: увеличилось пьянство, самоубийства и всякого рода преступления, не говоря уже о моральных проступках, как нарушение брака на праве свободной любви, за ширмой которой скрывается эгоизм, проституция или экономический расчет, что привело к развалу семьи — яркого показателя падения нравственности. Обман, жульничество, расизм в скрытой форме, лицемерие в делах религиозного убеждения являются результатом лживой пропаганды.

Христианская религия, — опора капиталистической системы, — как фактор морального воспитания, потеряла свое значение, вследствие искажения и многовекового приспособления ее в угоду власти и господства сильных над слабыми. А ведь при своем возрождении христианская идея имела назначение, цель которого сводилась к облагораживанию человека, но корыстолюбие господствующих классов и отцов церкви извратило идею христианства и превратило ее из орудия добра в орудие зла. По этой причине современное христианство является отжившим придатком общественной жизни, тормозящим человеческий прогресс. Фактически никакого подлинного христианства не осуществляется: вместо подлинника — фальшивка, религиозный маскарад, подтасовка к нуждам эпохи: веруем мы, христиане, во всемогущего Бога, исполняем церковные обряды, но не заповеди и ведем повседневно скотскую жизнь, хуже язычников.

Я не стану объяснять сущность большевистской формы управления: о ней свидетельствуют дела большевиков, которые известны всему миру. Большевизм — открытая форма государственной преступности. Он не признает никакой другой религии, кроме собственной. Небольшие группы, совершающие религиозные обряды, допускаются ради разведки и создания для иностранцев иллюзии о свободе веры. Большевистская диктатура — крайняя форма деспотии.

В противовес большевизму капитализм открыто покровительствует религии: между ними издавна установилось тесное содружество. Взамен покровительства служители религиозных культов приспособили религию к нуждам эпохи и ее форме общественной жизни, которая в корне противоречит евангельскому учению. Общественная жизнь буржуазного капитализма насквозь пропитана фальшивой религиозностью, показной верой в Бога, а для создания иллюзии подлинной веры проводится маскарад благотворительности — поверхностной помощи миллионам нуждающихся, которых мало устраивает поданый кусок хлеба: необходима такая форма общественной жизни, при которой все нуждающиеся были бы полноправными членами общества, а не частью находящихся на положении пасынков.

Благотворительность в свободных странах Запада вызвана не доброй совестью, за исключением некоторых случаев, а преследованием какой-либо цели или из-за страха перед надвигающимися грозными событиями. В первую очередь помогают вопиющей нищете, когда она принимает катастрофические размеры. Бывает благотворительность отдельных личностей, которые, выжав из рабочих миллионы, бросают десятки, даже сотни тысяч на какое-либо полезное дело с целью приобрести славу. Такая благотворительность носит спорадический характер. Работа же благотворительных организаций слабо контролируется, поэтому она никогда не достигает высокой эфективности, т. к. львиная доля ассигнованных сумм попадает в карманы присосавшихся авантюристов. Яркий пример этому — ИРО и УНРА, где орудовал некоторый процент аморального элемента; они-то и занимались в лагерях ди-пи воровством и насилием.

Частная собственность является основой буржуазного общества. Охрана частной собственности полезна для класса имущих и заслоняет интересы малоимущих и неимущих. Для последних она ничего не дает. Неприкосновенность личности для рабочих стоит под большим вопросом. В общем капитализм — устаревшая форма общественной жизни; ее старческая дряхлость не может согреть жизненных запросов современного человечества и по существу является ненужным балластом, задерживающим общественный прогресс.

Фальшивость показных идеалов капиталистической системы ярко бьет в глаза: проповедуют любовь к Богу, а поклоняются Золотому Тельцу; восхваляют свободную торговлю, а на деле заговор против потребителей; хвалятся политикой без захвата и порабощения, а кто внушил цветным народам ненависть против белой расы? Кто принудил 3,500,000 антибольшевиков возвратиться из Германии в лапы Сталина? Разве Ялтинское соглашение не есть документ корысти и позора? Показная сторона буржуазной системы напоминает собою вавилонскую блудницу.

Большевизм же осуществляет на практике государственный капитализм и по существу явля-

ется отражением частного капитализма в кривом зеркале.

Единственно правильный путь сознательного человечества, ведущий к тихой пристани, свободе, равенству и справедливости для всех, это идея анархизма. Необходимо принять ее, как знамя, против безумия приверженцев состаревшей системы и приверженцев системы государственного капитализма.

К. Лебедев

ШАХТЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

Положение американских шахтеров непрерывно ухудшается с каждым годом, каждым месяцем, даже неделей, поэтому и жизнь шахтеров стала гораздо труднее. Главный удар наносит, конечно, безработица.

Статистика показывает, что в районе городка Питтстона сейчас работает в шахтах только 1,573 человека, в прошлом году работало около трех тысяч (2,920), в 1952 г. — 5,380 человек, тогда как в старые добрые времена здесь работало около 18,000 человек. Та же статистика указывает, что в 1914 г. в антрацитной угольной индустрии работало 180,000 человек, в 1951 году — 68,000 человек, а теперь работает только 34,050 человек.

Начиная с 1951 года, число безработных шахтеров все больше и больше увеличивается. Технические усовершенствования вытесняют рабочих. В газетах часто печатаются заявления шахтовладельцев, что они вынуждены закрыть некоторое число своих шахт, так как нет спроса на уголь. На самом деле шахтовладельцы получают ныне гораздо большую добычу угля из двух шахт, чем прежде из четырех, закрывая лишь менее рентабельные. Пользуясь застоем в угольной промышленности, они немилосердно эксплуатируют шахтеров, работающих до упаду, ибо, если не выработаешь нормы, босс говорит: "Завтра не приходи на работу."

Здоровье шахтеров до того расшатывается тяжелыми условиями труда, что "в 45 лет кончается его рабочий век." Пожилых людей на работу не принимают. Профсоюзное руководство мало заботится о рядовых шахтерах, а только о собственном благополучии. Если внимательно присмотреться, то можно заключить, что каторжане, работающие на правителей, не терпят такого издевательства от своих тюремщиков, какое переносят ныне добровольно шахтеры: их принуждают выполнять работу за двух. Если запротестуешь, — вон с работы. Вот почему угольные бароны получают крупные барыши. Много увечится и убивается шахтеров.

Шахтер часто должен работать до потери сознания, чтобы выполнить норму. Многие работают 2-3 дня в неделю, но хозяева требуют от своих рабочих все больше и больше продукции. Эксплуатация чрезмерная. Виноваты в этом сами рабочие, которые не только не сознают своей силы и солидарности по защите труда шахтера, но даже сделают донос, если вы попробуете во время работы что-либо сказать в пользу рабочих; тогда боссы начинают придираться к вам и выбросят с работы. Среди рабочих нет солидарности и подлинной взаимопомощи.

Что касается Шахтерского Профсоюза, то надо сказать, что профсоюзное начальство не защищает интересов шахтеров, от которых получает высокие оклады: начальство интересуется главным образом членскими взносами шахтеров — 4 доллара в месяц, которые высчитываются из получки шахтера самой компанией и передаются затем юнионной бюрократии. Членские взносы отсчитывают даже тогда, если проработаешь один или два дня в неделю.

Были случаи, что кто-либо из уволеных шахтеров обращался в локал юниона (отдел профсоюза) за помощью. Президент локала говорил рабочему, что он получил расчет за то, что не хотел нагружать больше угля; каждый день три рабочих должны нагрузить 9-10 вагонеток, т. е. насыпать лопатами вручную 25-30 тонн угля за 7 часов. Кроме того, нужно еще поставить подопры (столбы) высверлить 15-20 дыр, а то и больше в породе угля, взорвать пласт динамитом и положить жолоб. Все это нужно сделать за 7 часов!..

Хозяева, как предприниматели, всегда требуют от рабочих очень быстрой, напряженной работы, от этого рабочие скоро изнашиваются, часто болеют и преждевременно умирают ради выгоды капиталистов.

Везде и всюду гуляет теперь стахановщина. Большевики научили капиталистов выжимать из рабочего последние соки.

Почему бы самим рабочим не взять свою судьбу в собственные руки и не оказывать помощь своему брату рабочему? Тогда не было бы издевательства хозяев над рабочими. Для этого нужна лишь солидарность и подлинная взаимная помощь. Поэтому всем труженикам необходимо сплотиться и защищать друг друга. Только тогда трудящиеся массы изживут все социальные невзгоды и бедствия.

Питтстон, Пенн. Старый шахтер **А. Полещук**

Первая годовщина смерти Ю. Л. СТАРЧЕВИЧА

Год умчался без возврата,
Тебя из мертвых не слыхать...
Как тяжела моя утрата,
Что больше друга не видать.

Твоих речей я не услышу
И вновь тобой не восхищусь,
Но жизнь моя тобою дышет
И я душой к тебе стремлюсь.

Спешу туда, где спит глубоко
Твой образ милый под землей,
Как трудно жить мне одинокой,
Бороться с беспросветной мглой.

Ты в мир иной ушел невольно,
Оставив лучшие мечты,
С тех пор смотреть мне стало больно
На счастье радостной четы.

Парасковья Старчевич

Поступили в Редакцию

42-я КНИГА "НОВОГО ЖУРНАЛА" под редакцией М. М. Карповича.

"ВЕСТНИК Института по изучению истории и культуры СССР" № 1 (14) и № 2 (15).

"V КОНФЕРЕНЦИЯ Института по изучению истории и культуры СССР." Доклады и дискуссии.

РОТАТОРНЫЕ издания Мюнхенского Института по изучению истории и культуры СССР.

ВОЗЗВАНИЕ ПРОФСОЮЗА

Уважаемые друзья! Посылаем вам 135 д., из коих 15 д. за книги, 20 д. за журнал, а 100 д. в фонд журнала "Д.Т.П."; жертвовали: С. Скробот 50 д., Т. Шумович 10 д., Н. Липович 10 д., И. Черный 10 д., А. С. Ш. 10 д., Супруги Морозовы 5 д., М. О. К. 3 д., К. Крутель 2 д.

"Мы воображаем, будто продвигаемся вперед, потому что движемся; воображаем, будто прогрессируем, потому что идем вперед, а когда колесо делает полный оборот, снова оказывается на том же месте." Так оно и есть на самом деле; если мы присмотримся поближе к истории русского анархического движения в Америке, то увидим, что история повторяется: мы будто прогрессируем, но в то же самое время мы повторяем все то, что было, скажем, 45 лет назад, только в иной форме. Тогда наше движение в США, Канаде и Южной Америке пользовалось широким влиянием среди русских трудящихся масс в течение целого ряда лет. Но с удушением русской революции и великих анархических принципов, которые несла в своих широковещательных порывах русская революция, русское анархическое движение в этих странах начало выказывать симптомы деградации. Начала падать общая сплоченность, общие попытки, стремление и желание во что бы то ни стало держать анархическое знамя на достойной высоте. Появились "красные патриоты," которые внесли в ряды нашего анархического движения склоку, сменовеховщину, уклоны, перегруппировки, расплывчатость и даже тягу некоторых к большевизму, демократизму и церкви. Нет теперь общего единодушия, которым когда-то славилась русская анархическая среда в Америке. Нет общих стремлений и побуждений к анархизму.

Теперь некоторые бывшие анархисты под напором большевизма, фашизма, церкви и шовинизма дошли до небывалой крайности: стали (после 40 лет) посещать церковь, агитировать за выборы того или другого политикана... Стремление многих бывших анархистов стать у руля общественно-колониального корабля в Америке внесло полную дезорганизацию в наше движение.

И мы, принимающие участие в издании журнала "Дело Труда-Пробуждение" и остающиеся верными идее анархизма, как и всегда, стремились и стремимся предупредить это страшное крушение. Мы всеми силами стараемся пресечь корени шовинизма, но без вашей помощи сделать этого мы не можем, поэтому мы обращаемся к вам, анархисты и сучувствующие, помочь нам провести в жизнь благие (по нашему мнению) начинания. Мы считаем, что сейчас наступило время, которое требует от нас всех более интенсивной и более энергичной работы в пропагандировании анархических идей среди русских масс. Необходимо дать отпор "красным патриотам," фашистам и вообще мракобесам, которые раставляют свои сети во всех уголках и стараются разорить наше анархическое движение и закрыть единственный на русском языке анархический журнал "Д.Т.П." Поэтому мы еще раз призываем всех анархистов и сочувствующих помочь нам морально и материально, чтобы "Д.Т.П." выходило регулярно, ибо журнал борется за свободу всего человечества.

Мы выражаем нашу глубокую, сердечную благодарность всем нашим детройтским товарищам, которые поддерживают нас и журнал морально и материально. Мы особенно признательны товарищу **С. Скроботу,** который в день своего рождения пожертвовал 60 д., из них 50 д. на журнал "Д.Т.П." и 10 д. на книгу П. Кропоткина, **"Идеалы и Действительность в Русской Литературе."** Мы от глубины души желаем ему здравия и благополучия на многие лета.

Было бы очень хорошо и желательно, чтобы и другие товарищи последовали благородному примеру товарища С. Скробота.

Профсоюз гор. Детроита

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ТОКИО, Япония. — Дорогой т. Черный! Вслед за пожертвованными вами книгами я получил от вас письмо с двумя долларами и программой Русско-Американского Кооперативного Общества. Очень вам благодарны за вашу помощь нашему движению и желаем доброго успеха и великого развития вашей организации. Надеясь на процветание вашего Интернационального Кооперативного Ресторана и других работ, мы надеемся, что в будущем молодые японские анархисты смогут братски присоединиться к вашей работе. Как бы ни было, эта большая новость ободряет нас. Скоро я переведу ее на японский язык для нашей газеты и сделаю подробный доклад нашему съезду о Русско-Американском Кооперативном Обществе. С наилучшими пожеланиями вашим членам от японских товарищей,

Федерация Анархистов Японии (печать).

Т. Ямага

ИОГАННЕСБУРГ, Южная Африка. — Дорогой друг И. П. Ч., большое вам спасибо за присылку нам русских газет, журналов, а главное — за книжку Аршинова "Два Побега." Вы не можете себе представить, какая это была для нас радость! Я думаю, вам известно, что мы здесь — одинокие люди, наша группа маленькая и мы не молодые. Мы были в царских казематах и в сибирской ссылке, а на старости приходится мучиться в чужом краю. Губит нас скука. Русских здесь совсем мало. Только в последнее время сюда приехало много "власовцев" из Германии: народ не очень дружелюбный. Мы собираем между собою деньги, чтобы выписать русские книги, иначе мы пропадем, потому что не можем привыкнуть к местному образу жизни. Здесь большинство рабочих идет на футбол и в бар или ищут счастья на лошадиных скачках.

Сейчас у нас зима и очень холодно. Счастье, что зима здесь короткая. Хотелось бы достать сборник "Песни Труда" и стихотворения. Некоторые из нас семейные и желали бы научить своих молодых детей грамоте на родном языке. Примите нашу сердечную благодарность за русские газеты. **Р. Байков.**

НЬЮАРК, Нью Джерзи. — Уважаемые товарищи, сегодня получил очередной выпуск журнала "Дело Труда-Пробуждение," за который, как обычно, посылаю один доллар. Приглашаю других подписчиков и читателей журнала последовать моему примеру и посылать в редакцию "ДТП" по 1 д. за каждый новый номер журнала. Это принесло бы значительную финансовую помощь журналу. **П. Бойко.**

БРУКЛИН, Н. И. — За полученные два последних выпуска журнала "Дело Труда-Пробуждение" посылаю Вам один доллар.

Павел Струк.

КОРОНЕЛ БОГАДО, Парагвай. — Я продолжаю получать наш светильник — журнал "Дело Труда-Пробуждение." Большое вам спасибо, сердечная благодарность за высылку журнала, который много дает уму и сердцу человека. Я читаю журнал с запоем и очень сожалею, что помочь журналу не могу. Я хотел было выслать пару долларов на Дело Труда, но в Парагвае купить доллары невозможно, поэтому посылаю 10 аргентинских пезет.

С тов. приветом **Степан Окс**

ЭРЕБАНГО, Бразилия. — Книги получил и прочел. Великое вам спасибо. Аполлон Андреевич Карелин большой знаток рабочей и крестьянской жизни. Его труды читаются легко и с захватывающим интересом. Книга "В вихре революции" тоже интересна, но нужно много передумывать. Благодаря Профсоюзу г. Детройта, время от времени появляются в свет новые книги. Я имею много старых книг (достались мне от покойного отца): полное собрание сочинений Жуковского, Пушкина, Лескова, Чехова и других авторов. **И. Ильченко**

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ. — Дорогие товарищи "делотрудовцы"! Премного вам благодарны за книги, которые мы получили, и посылаем вам 20 д. на покрытие ваших расходов и на поддержку журнала "Дело Труда-Пробуждение." Присланные книги имеют для нас, молодых анархистов, большое значение, ибо мы находим в них освещение многих вопросов с точки зрения справедливости, а это пополняет наши знания по общественным наукам. Эти ценные книги помогут нам в достижении наших идеалов в устройстве нового свободного общества. Наша болгарская газета, издающаяся в Париже, "Наш Путь," пишет, что анархизм-коммунизм не является лабораторным продуктом, но это не значит, что он появился сам собой: идеи анархизма формулировали великие идеалисты как Бакунин, Кропоткин, Малатеста и многие другие мыслители и философы.

Мы получили на днях очередной выпуск "ДТП," который, как всегда, весьма интересен и ценен по своему содержанию. Журнал "ДТП" скрашивает нашу жизнь и делает ее более интересной и содержательной среди окружающего безразличия, монотонности и религиозного ханжества, которым охвачены некоторые группы населения. Примите наш сердечный привет. **Златко Златков**

ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНИЯ. — С огромным интересом прочитал книгу А. П. Кропоткина **"Современная Наука и Анархия"** и принялся за **"Очерки по истории анархических идей"** Неттлау. Откровенно говоря, взял я эту книгу в руки со некоторым предубеждением (я не любитель истории и разных нудных историй). Но до чего же хорошей оказалась эта книга! Особенно же в моем вкусе статьи: "Власть и Свобода и их вековечная борьба," "Анархизм и большевизм," "Против утопий..." Прочитать и продумать эту книгу должен бы каждый грамотный человек, имеющий мозги и сердце. Большое спасибо Профсоюзу г. Детройта, а в особенности А. П. Демчуку, за издание этой прекрасной книги.

Полученную от вас литературу пускаю в ход. Не стану лгать, что на нее все набрасываются с жадностью, но есть очень хорошие, мыслящие люди, которые искренне вживаются. Оказывается, я еще не имею № 41 "ДТП." Остальные номера журнала кочуют среди моих друзей. Крепко жму вашу руку. **К. Д.**

НЬЮ ХЭЙВЕН, Конн. — Посылаю вам чек на 8.25, из коих 1.25 за проданные номера журнала "ДТП," 2 д. от т. Шелега в издательский фонд "Дела Труда-Пробуждения" и 5 д. выручено за книгу А. Карелина "Вольная Жизнь." **Яруб.**

С-ЛУИС, Мизури. — Денежным переводом посылаю вам 16 д., вырученных от продажи четырех книг Долинина-Моравского "В вихре революции" и четырех книг А. Карелина "Вольная Жизнь." Спасибо за высылку журнала "ДТП." **М. Х.**

АНСОНИЯ, Конн. — Сегодня (28 авг.) побывал с женой в этом индустриальном городе, где были прожиты юношеские годы. Как вам известно из газет, штат Коннектикут слишком пострадал от наводнения. Трудно описать все ужасы разрушения. Все города в долине Нагуток — от Вотербури до Дерби — полуразрушены. В Ансонии, как и во многих других городах, старый мост снесло водой, железно-дорожное полотно размыто и совершенно разрушено, движения никакого. Вокруг баррикады и полиция никого не пускает в разрушенные места. Питьевую воду доставляют в больших бидонах на грузовиках. Бездомных поместили в Хай Скул, т. е. в здании средней школы. Скорую помощь оказывает Красный Крест. Два дома Вархолика были так сильно повреждены, что спасти их было невозможно, и городские власти сожгли их. В первых этажах домов вода доходила до потолка во время наводнения. Фабрики занесло мусором и грязью. Передавали нам, что пока очистят да исправят машины — возьмет пару месяцев. Безработные получают пособие.

Кажется, с год тому назад в Ансонии сгорел православный храм. Теперь на новом месте строят новый храм, который обойдется в тысяч пятьсот; прихожан обложили подаяниями — ропщут, но дают, чтобы попасть в небесный рай. **В. Р.**

МОНТРЕАЛ, Канада. — Дорогие товарищи! С чувством глубокого сожаления приходится констатировать тот факт, что большинство рабочего люда, опутаного сетями капитализма, суеверий и религиозного обмана, еще не поняли, что такое власть капитала, а потому и не желают понять сущности анархизма, который многие приравнивают к большевизму, что в корне не верно. Анархизм и большевизм — две противоположности, исключающие друг друга: там, где большевизм, нет анархизма, а где анархизм, там не может быть большевизма.

Наши ди-пи говорят, что политикой они не интересуются. Это на руку для политических проходимцев вроде большевиков, которые всех "не интересующихся" легко поворачивают туда, откуда извлекают выгоды для себя.

Во что бы то ни стало мы должны продолжать выпускать журнал, чтобы показать врагам и супостатам, что мы живы, что у нас еще есть порох в пороховницах, что наш огонек не погас и что мы еще не сложили оружия в борьбе за хлеб и волю. Людская апатия скоро пройдет, трудовые массы России и всего мира скоро проснутся от спячки и шагнут из царства тьмы и неволи в царство света и свободы. **В. Ш.**

ЧИКАГО, Иллиной. — Как только выпадает для нас возможность, выезжаем по воскресеньям за город и любуемся красотою природы, которая радует взор чудесными тонами и разнообразными

оттенками перемежающихся красок. Чикагские пригороды более благоустроены, чем сам огромный и вечно жужжащий город Чикаго. Манящая прелесть сосредоточена в пригородах, несмотря на то, что в Чикаго имеются десятки больших и красивых парков. В течение десятков лет город Чикаго оставался запущенным и загрязненным. Очевидно по этой причине молодые люди селятся в красивых комфортабельных домах пригородов. Правда, Чикаго ныне перестраивается: сносятся старые дома и здания и на их место возводятся новые, более современные, со всеми удобствами. Строительство в полном ходу. Но возьмет десятки лет, пока обновится такой большой город, как Чикаго. А его пригороды раскинулись на растоянии 25 миль и больше. Повидимому, пока люди живы, обновление города все время будет продолжаться. Только у большевиков стройки маршируют пятилетками, но зато они словесные, а не реальные. **Н. Н.**

* * *

Прилагаю чек на 13 д. 50 с., из коих 8.50 за проданные номера и 5 д. в фонд журнала "ДТП" от т. А. Комова. **Н. Волков**

РОЧЕСТЕР, Н. И. — К сожалению, редко встречаюсь с товарищами. Ждать долго не следует. Посылаю от себя 5 д. в фонд "ДТП." **Л. Л—в.**

НЬЮ ХЭЙВЕН, Конн. — Посылаю 6 д. 25 с., из которых 1.25 за 5 экз. № 48-го "ДТП," а 5 д. от Владимира Парфиновича: 3 д. в счет подписки и 2 д. в издательский фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение." **Е. Яруб**

ВИННИПЕГ, Канада. — Книги А. Карелина я еще не получил, пришлите. Вместо обычных пяти экземпляров вы послали мне только один; прошу исправить ошибку, п. ч. подписчики желают получать каждый номер журнала "Дело Труда-Пробуждение." Посылаю вам два доллара в фонд журнала. **О. Довгалюк**

ВОТЕРБУРИ, Конн. — Очень извиняюсь, что долго не писал вам. Все это время болел, начиная с декабря прошлого года, да и теперь все еще хвораю. Посылаю 5 д. из коих 3 д. за три книги Карелина и 2 д. в фонд журнала "ДТП." **Г. С.**

Финансовый Отчет Редакционной Коллегии "ДТП"

с 1-го сентября по 12-го ноября 1955 г.

ПРИХОД:

Перенос	$ 25.13
Поступило в фонд журнала	364.95
Поступило за проданные номера	28.50
Поступило за книги	36.25
Итого	$454.83

РАСХОД:

Издание и экспедиция	$361.00
За помещение за 5 месяцев	50.00
За почтовый ящик за год	24.00
Итого	$435.00
Остаток на 12 ноября	$ 19.83

Заявление Национального Представительства Российской Эмиграции в Германии

В сентябре 1955 года советское правительство опубликовало два направленных против российской эмиграции "акта." Один из них — заявление Булганина бундсканцлеру Аденауэру о "насильственно задерживаемых" в Западной Германии советских гражданах. Другой — указ Верховного Совета об "амнистии," распространяемой и на советских граждан за рубежом, состоящих в антисоветских организациях.

Национальное Представительство Российской Эмиграции в Германии по этому случаю заявляет:

1. Российские эмигранты, находящиеся в Западной Германии, ни в какой степени не считают себя советскими гражданами. Фактом своего ухода из СССР, вследствие непринятия советского режима, они сбросили с себя советское гражданство и имеют полное право требовать от всех инстанций на Западе признания их бесподданными.

2. Российские эмигранты, находящиеся в Западной Германии, категорически отметают советские утверждения об их насильственном удержании и преступном использовании. Их пребывание на Западе основано исключительно на собственной свободной воле.

3. Российская эмиграция, ни в коей мере не считая преступной свою антикоммунистическую деятельность, решительно отвергает советскую амнистию как беспредметную по существу, как очередной трюк для разложения эмиграции по форме.

4. Российская эмиграция остается и останется всегда непримиримым противником коммунистического режима. Она стремится к созданию в России подлинно демократического строя, основанного на полной гражданской и политической свободе граждан и на искренней и дружеской мирной международной политике. Только тогда она вернется на родину.

5. Российская эмиграция в **Западной Германии** всегда останется лойяльной и благодарной по отношению к немецкому народу и правительству, давшим ей убежище. Она твердо уверена, что в пределах Германской Федеральной Республики ее судьба обеспечена как моральными, так и правовыми нормами.

НАЦПРЭ

РОЗЫСК: Степан Оксенюк, сын Степаниды Бабич, из села Козлинич, Ковельского уезда, Волынской губ., разыскивает своего дядю **Григория Шимейко;** работал он в Детройте, а выехал в Америку в 1913 году. Прошу лиц, знающих его адрес, или самого дядю откликнуться по адресу:

Esteban Oksenuk
Coronel Bogado
Paraguay

Товарищи! Издание журнала "Дело Труда-Пробуждение" зависит исключительно от вас, поэтому мы обращаемся к вам с настоятельной просьбой усиленно распространять таковой и оказывать ему денежную и моральную поддержку.